

ВАДИМ ТАРАСЕНКО

**НЕНАВИСТЬ
ВОЛКА**

Вадим Тарасенко

Ненависть Волка

Серия «Волк с планеты Земля», книга 2

Текст предоставлен издательством «Лениздат»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=168992

Ненависть волка: Ленинградское издательство; Москва; 2008

ISBN 978-5-9942-0153-4

Аннотация

Выпускник Высшего Рязанского института воздушно-десантных войск Андрей Кедров волею судеб оказывается за сотни тысяч световых лет от Земли, где в жестоком противостоянии сошлись три могучие цивилизации. Российский офицер спецназа не растерялся и принял в этом противостоянии самое активное участие. Кедрову предстоит сразиться не только с врагами своей новой Родины, защиты потребует его новая семья, его мужское достоинство. А выиграть такое сражение порой бывает намного сложнее, чем у явного врага. О звездных войнах, о приключениях российского офицера на далеких планетах, о таких поистине универсальных, несмотря на громадные расстояния, понятиях, как дружба и любовь, читайте в продолжении романа «Волк с планеты Земля» – «Ненависть Волка».

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	27
Глава 3	46
Глава 4	70
Глава 5	94
Конец ознакомительного фрагмента.	126

Вадим Тарасенко

Ненависть Волка

Глава 1

Десантный бот, сверкнув пламенем тормозного двигателя, скользнул с орбиты вниз. По крутой дуге, прессуя воздух и находящиеся в боте людей, он устремился к Земле. На черном ночном небе мигнуло несколько звезд, обозначая траекторию космического гостя. В сотне метров от земли стреловидный корпус бота в секунду неожиданно как бы распух, округлился, на мгновение блеснуло синим, и черный дискообразный аппарат тихо опустился на поляне.

– Давай Андрей. До твоей деревни десять километров. Завтра, в это же время ждем тебя здесь. – Главный командор Матрул ДарВул внимательно взглянул в глаза своему спутнику. – Не опаздывай. – На лице мужчины появилась улыбка, больше похожая на гримасу боли.

Кедров правильно понял переживания Главного командора.

– Не волнуйся, не опоздаю. – И через паузу, широко улыбнувшись: – У нас с Эльдирой медовый месяц еще не закончился.

Было видно, что собеседнику Андрея эти слова понрави-

лись. Улыбка на его лице вытянулась в ровную дугу, не помятую переживаниями и страданиями.

– Ну, давай. А мы тут для тебя немного поработаем.

Сквозь улыбающиеся губы ДарВула блеснули зубы – гордость фроловской стоматологии и трансплантологии.

Бесшумно открылся люк, и ноги Андрея Кедрова дотронулись до родной земли. Даже не так. Дотронулись до родной Земли, до родной! Наконец-то!

«Ну, здравствуй, родная», – мужчина непроизвольно опустился на колени и прильнул лицом к траве. От ее запаха закружило голову.

Теперь он понимал, что чувствуют люди, чудом выжившие в небе и целующие бетонку аэродрома. Он тоже выжил в небе. В далеком небе. В очень далеком небе. Три месяца назад он, лейтенант воздушно-десантных войск, был захвачен инопланетянами, как бы это не звучало дико и смешно и казалось понятным лишь для врача психиатрической больницы.

Так Андрей Кедров оказался... о, теперь он знал, где тогда оказался – на Арикдне, в столице могущественного государства кроков – Союза Свободных Цивилизаций, почти в шестистах тысячах световых лет от Земли! Да, очень далекое небо... Свет, не спеша, со скоростью каких-то триста тысяч километров в секунду, испущенный Пармой – солнцем Арикдны, в сторону Земли шестьсот тысяч лет назад назад, когда по той бродили мамонты, только сейчас дошел до нее.

Мамонты к этому времени уже вымерли. А что будет еще через шестьсот тысяч лет?

Андрей, как мамонты, не погиб. Он вернулся домой. И не через сотни тысяч лет, а через три месяца. Правда, для этого ему пришлось убивать. Убивать кроков и убивать их злейших врагов – челов. Правда, для этого ему пришлось спуститься в рудники Гамеда – страшной планеты, в недрах которой обитает серая волна – скопление бактерий, убивающих все живое мощным рентгеновским лучом. Правда, для этого его должны были спасти фролы – люди еще одной цивилизации, раскинувшейся в глубинах Вселенной. Правда, для этого его должна была полюбить своенравная Эльдира – дочь Главного командора фролов. Полюбить настолько, чтобы, как в голливудской мелодраме, прямо с их свадьбы на отцовском звездолете вместе с ним сбежать к челам. Правда... нет, не правда! Он не влюблял в себя Эльдиру, чтобы сбежать от фролов. Он ее полюбил, так же как и она его. Ну а то, что это оказалось весьма кстати для побега... когда попадается бутылка хорошего вина, только идиот не выпьет ее полностью! И чтобы вернуться на Землю, лейтенанту российской армии должны были прийти на помощь почти боги – могущественные мнемы. А для этого его другом и напарником по тяжелой, смертельно опасной работе на Гамеде должен был стать Лю – наследный принц мнемов. Да, цепочка выстраивалась еще та – прогулка по минному полю в этом случае действительно была прогулкой[Подробнее

об этих приключениях Андрея Кедрова читайте в романе «Волк с планеты Земля».]

Поднявшись с земли, Андрей Кедров махнул на прощание рукой Главному командору и исчез в темном лесу. Минуту спустя десантный бот растворился в черном небе. И вновь лишь мигнули несколько звезд, обозначая его траекторию назад, на орбиту.

Родная деревня встретила своего бывшего односельчанина лаем собак. Они своим лаем передавали Андрея, словно эстафетную палочку. Последним залаял Ворон, его пес, взятый в дом еще щенком.

– Тише, Ворон, тише. Хозяина не узнаешь?

Сильный, гулкий лай за забором мгновенно стих. Кедров осторожно заглянул во двор. Родной дом встретил его черными прямоугольниками окон и закрытой дверью. Ворон, большой черный пес с рыжими пятнами, увидев хозяина, рвал цепь, радостно повизгивая.

– Тише, Ворон, тише. Всех соседей разбудишь.

«А это мне сейчас совсем ни к чему». Бывший выпускник Рязанского института воздушно-десантных войск быстро осмотрелся. Из мрака угадываются дома соседей, чуть блестя окнами в лунном свете, да светится одно из них. Все тихо.

Парень подошел к калитке, нащупал щеколду, потянул ее вверх. С легким скрипом калитка отворилась. Андрей вступил в свой двор.

– Хороший мой пес, не забыл хозяина, – Кедров обхватив черного пса за шею, прижал его голову к своей груди. – Скучал, наверное.

Словно понимая человеческую речь, пес лизнул Андрея в лицо.

– Скучал, скучал! – человек прижался к влажному, холодному носу животного.

Скрипнула входная дверь.

– Кто там?

Сердце, казалось, остановилось. А потом, словно навстречу упущенное, зашло мощными, частыми толчками.

– Мама, это я, – Андрей не узнал своего осевшего, хриплого голоса.

– Штурман, осуществить коррекцию прицеливания!

– Есть! – штурман крейсера «Адмирал Сарб» подполковник О’Сунни Лиман нажал несколько клавиш на пульте управления.

Бортовому компьютеру понадобились долгие три секунды, чтобы уточнить истинное положение корабля в пространстве и рассчитать поправки на прицеливание, вызванные рассогласованием между теоретическими координатами точки выхода из гиперпространства и истинными.

– Коррекция осуществлена, – подполковник Лиман подытожил работу компьютера.

– Пуск! – тут же последовала следующая команда коман-

дира корабля полковника Свора.

И вновь система управления крейсера сработала безукоризненно. Где-то в глубине корабля замкнулись необходимые реле и «Адмирал Сарб» выплюнул из себя сигарообразное тело. Нет, это не была ракета класса «космос – земля», за ней не тянулся столб ярко-красного пламени – след работы реактивного двигателя. Блестя в лучах недалекой звезды, оно медленно, со скоростью какие-то двадцать метров в секунду, отползло от крейсера.

Через километр из сигары вырвался небольшой голубоватый столб пламени, а еще через мгновение она исчезла, провалившись в гиперпространство. Исчезла ровно настолько, чтобы, пронесшись вне времени и пространства, вынырнуть вновь в обычной трехмерной Вселенной, за двести миллионов километров от пославшего его звездолета.

Коротко взвыла сирена – датчик целостности пространства зафиксировал его разрыв.

– Есть выход!

– Теперь ждать. – Командир крейсера откинулся на спинку кресла.

Свет от вспышки, возникающей, когда тонкая пленка реальности прорывается и сквозь прореху в наш мир прорываются мириады виртуальных частиц, будет бежать эти двести миллионов километров до крейсера долгих, бесконечных по меркам микромира, одиннадцать минут.

– Как там цель, Сунни?

– Двигается, господин полковник. Куда ж ей деться, – улыбнулся штурман. До репера осталось пятнадцать секунд.

Две пары глаз смотрели на экран внешнего обзора. За ним, в двухстах миллионах километрах впереди, неслась небольшая, километр в поперечнике, каменная глыба, входившая в гигантский пояс астероидов Арбзира. Этот пояс состоял из миллионов мелких и крупных каменных глыб и простирался на десятки миллионов километров. В этом поясе, вокруг своей звезды Альтии, вращалась и Матей – единственная планета фролов – некогда могущественной цивилизации, проигравшей во вселенском первенстве цивилизаций крокам и скукожившейся до одной планеты и этого пояса астероидов. Астероидный пояс Арбзира был счастьем фролов, их надежным щитом, их своеобразным поясом девственности. Благодаря этим миллионам больших и малых камней кроки не могли подобраться к Матее. Выход из гиперпространства в этой каменной каше был смертельно опасным. Можно было легко оказаться на пути одного из этих многотысячетонных космических экспрессов, несущихся со скоростями десятки километров в секунду. Положение усугублялось и тем, что даже при самых точных расчетах отклонение от теоретической точки выхода из гиперпространства составляло несколько сотен километров. Плюс постоянно меняющиеся орбиты астероидов из-за гравитационного влияния друг на друга, точно учесть которое было невозможно. Вот и приходилось крокам пояс Арбзира

преодолевать на обычных ядерных движках. А это минимум пятьдесят—шестьдесят часов лета. Да за это время фролы не то что подготовиться к обороне успеют, выслав навстречу десятки своих звездолетов, но и смогут как следует выспаться. Кроме того, на тысяче наиболее крупных астероидов они установили мощные лазерные установки и теперь, позевывая, могут без труда сжигать кроковские звездолеты. Несколько операций захвата захлебнулось в огромных потерях. Эх, если бы было можно как-то убрать эти чертовы астероиды...

– Есть прохождение репера!

Полковник Свор и сам это увидел. На экране внешнего обзора на мгновение мигнула, услужливо обведенная компьютером, яркая точка. В двухстах миллионах километрах от крейсера темная каменная глыба на мгновение заслонила свет от одной из звезд. Направленный на эту точку телескоп «Адмирала Сарба» уловил это мимолетное ослабление яркости и передал на бортовой компьютер.

– Надеюсь, второй репер она не пройдет!

– Я тоже на это надеюсь, – процедил командир крейсера, – а вообще-то, если что-то там должно было произойти, то это уже произошло... или не произошло.

Он легко представил, что происходило там, где из гипера вынырнула «сигара» – первая экспериментальная модель преобразователя пространства или, как ее кроки называли попроще, – гиперпространственная бомба. Ее борто-

вой компьютер разогнал находящийся на борту ядерный реактор, выводя его на пик мощности. А потом мгновенно, в одно касание, небольшим электрическим импульсом-командой замкнул цепь, бросив миллионы ампер и вольт на обмотку нуль-континуум-генератора. На «горле» вакуума, находящегося в сердечнике генератора, сомкнулись мощные кольца магнитных полей, все сильнее и сильнее его сдавливая. И вакуум, буквально ничто, как раньше считали, испустил «хрип» – поток гравитонов. Голубоватое свечение вырвалось из недр генератора в открытый космос. Оно все усиливалось и усиливалось, становясь ослепительно ярким. Сто процентов мощности! Мириады гравитонов еще сильнее ударили по пространству, и оно не выдержало, треснуло. Клокочущий мир виртуальных частиц надавил изнутри, раздирая тонкую трещинку в обычном мире, превращая ее в брешь.

Обычно после этого бортовые компьютеры кораблей подавали сигнал на маршевый двигатель звездолета. Гигантский пинок в несколько тысяч тонн тяги, и подопечные компьютеров проваливались в гиперпространство. Лишенная подпитки гравитонов, трещина немедленно затягивалась, и вот уже на месте угольно-черного окна в иной мир вновь сияли далекие звезды. А ухнувший в гиперпространство звездолет тем временем быстрее света несся к этим звездам.

На этот раз все было не так. Как только пространство было прорвано, бортовой компьютер преобразователя пространства, как искусный дирижер, начал «играть» с электриче-

ским током, заставляя его причудливо пульсировать в обмотках нуль-континуум-генератора. И вслед за ним, как кукла повторяет движения пальцев кукловода, запульсировали гравитоны. Их ослепительно яркий голубой столб несколько поблек, но зато несколько расширился и стал совершать круговые движения, постепенно увеличивая радиус вращения. Будто в пространстве стали вырезать огромную дыру. Впрочем, почему будто? Это действительно было так. За двести миллионов километров от «Адмирала Сарба» во Вселенной стало возникать окно в гиперпространство невиданных раньше размеров. Сто... сто пятьдесят... двести... триста метров...

На пределе, едва не захлебываясь, клокотали насосы системы охлаждения ядерного реактора, стремясь удержать в допустимых пределах температуру своего подопечного. И все новые и новые мегаватты энергии вбрасывались в ненасытное чрево нуль-континуум-генератора, где, превращаясь в гравитоны, словно алмазным резцом по стеклу, кромсали плоть Вселенной.

Шестьсот... семьсот... восемьсот метров...

А в двухстах километрах от разверзающегося провала в пустоте неся со скоростью сорок километров в секунду каменный космический экспресс – небольшой астероид из пояса Арбзира. Неумолимые законы небесной механики гнали его, как барана на убой, к губительному месту.

Девятьсот... тысяча... тысяча сто метров...

Альтия, миллионы лет кружившая вокруг себя этого невзрачного своего подданного, точно вогнала его в эту дыру, словно бильярдный шар в лузу. Гравитационное поле звезды лучше всякой реактивной тяги выпихнуло астероид из этого мира. Есть!

И тут же бортовой компьютер гиперпространственной бомбы обесточил генератор – ключик в замочной скважине повернулся. С этой стороны дверь во Вселенную захлопнулась навсегда. Нет, астероид еще вернется в свой привычный мир. Вернее, не совсем в свой. Его энергии, с которым он ушел в гиперпространство, хватит, чтобы через несколько минут, прошмыгнув за изнанкой Вселенной, вынырнуть вновь в трехмерный мир, в сотнях тысячах, а то и миллионах световых лет от привычного своего солнца. Впрочем, для каменной глыбы будет все равно, лучи какого солнца будет отражать ее невзрачная поверхность.

Астероид так и не пересек свет второй звезды...

В рубке управления крейсером резкой трелью разлился звонок – расчетное время прохождения второго репера. Но на экране внешнего обзора ничего не произошло – нужная звездочка по-прежнему блестела на черном бархате космоса. Телескоп, направленный на нее, не обнаружил ни малейшего падения яркости.

Люди еще ждали несколько секунд, боясь своими восторженными возгласами испугнуть удачу... Крохотная точка звезды продолжала радостно сиять наблюдавшим за ней лю-

дям. И те наконец поверили в свою победу и радостно заорали. Очень быстро радостный ор сменился грозным ревом:

– Смерть фролам!

– Смерть челам!

Проект «Молот» – создание кроками сверхоружия, не имеющего аналогов у их противников – челов и фролов, успешно прошел первую стадию.

– Андрей?! Сынок? – невысокая хрупкая женщина сделала шаг и просто упала на сына. – Сыночек! Живой!

Маленькие женские ручки лихорадочно, словно боясь, что ее заберут, хватали родную плоть за руки, плечи, шею.

– Ма, не волнуйся. Живой, живой.

А женщина, словно ничего не слыша, продолжала горячечно бормотать:

– Андрюшенька, сыночек. Живой, вернулся...

Где-то рядом залаяла чужая собака. Ей гулко ответил Ворон. Где-то рядом шел человек. Андрей быстро оглянулся.

– Ма, пошли в дом.

А женщина, обняв сына, рыдая, шептала:

– Живой! Живой! Сыночек мой!

Сын, легко подхватив мать на руки, быстро зашел с ней в дом. Знакомо, до покалывания в сердце, скрипнули половицы.

– Ну, здравствуй, мама!

– ...Когда мне сообщили, что ты погиб... – Мать Андрея снова всхлипнула и инстинктивно схватилась за руку сына, словно боясь, что он исчезнет, что это все сон, и сейчас она проснется и пустая, серая реальность заглянет в окно хмурым осенним рассветом. – ...Я хотела повеситься.

– Сволочи! Суки! Я так и знал! – бывший лейтенант российской армии сжал кулаки. – Нет, чтобы сообщить: «Пропал без вести». Так нет же – погиб! Суки!

– Сынок, не ругайся. Все ж обошлось. Я, когда вышла во двор, попрощаться со светом...

– Мама! – Андрей прижал мать к себе. Старенький диван, на котором они сидели, жалобно скрипнул.

– Ничего, ничего, сынок. Все нормально. Я увидела нашего Ворона, который, словно что-то чувствуя, терся о мои ноги и жалобно скулил, и подумала, а кто ж его возьмет? Все ж в деревне знают, какой он бешеный. Только тебя и слушался. Вот и будет голодать, воровать что-то по чужим дворам, пока кто-нибудь не прибьет его или покалечит. И так мне его стало жалко... – Хрупкая седая женщина вновь как-то по-детски всхлипнула.

За окном стало светать. Звезды постепенно растворялись в сером небе. И лишь Луна пока не сдавалась, турецким ятаганом висая над землей.

– Так где ж ты был, сыночек?

– Там, мама, – Кедров обернулся к окну и ткнул рукой в небо.

– Где, там?

– На звездах.

– Сыночек, сыночек, – мать, потрясенная рассказом сына, прижала его к себе и словно маленького гладила по голове. – Ох, недаром тебя прозвали в деревне Волком. Волк ты и есть. Прошел через такое и выжил.

За окном окончательно рассвело. Первые лучи солнца мазнули по крышам домов. Сказочная, фантастическая ночь на родной Земле закончилась. Пора было решить один неприятный вопрос.

– Ма... я следующей ночью должен улететь.

– Сынок... – в глазах у матери Андрея мгновенно заблестели слезы, – а как же я?

Сколько раз на протяжении веков матери задавали этот вопрос своим сыновьям, рвущимся открывать и осваивать далекие земли, идти в опасные походы, то ли за золотом, то ли освободить гроб Господень. Причины назывались разные, но суть была одна – молодым людям была тесно, душно дома. Кровь бурлила в их жилах, и хотелось подвигов, славы, богатства. И этот зов, зов молодой горячей крови, был сильнее привязанности к родному дому, близким, даже привязанности к матери. И с этим ничего нельзя было поделать. Так было, есть и будет. Пока есть во Вселенной существо, когда-то, миллионы лет назад, взявшее в руки палку и начавшее силой прокладывать себе путь к вершине – венцу миро-

здания. Да, на дереве сидеть было намного безопасней, чем выгонять из пещеры саблезубого тигра. Но зато, если получилось, насколько уютней становилась пещера по сравнению с тем, что было! Да и любая самка предпочтет такое жилище открытой всем ветрам и дождям ветке дерева.

– Ма, ну ты понимаешь, я должен... – с трудом подбирая слова, стараясь не смотреть в глаза матери, сын стал объяснять причины своего поступка. – Ну кто я здесь? Лейтенант, вернее бывший лейтенант. Сунься я обратно в армию, затаскают по комиссиям. А там... а там я могу принимать участие в таких событиях, которые мне здесь даже не снились. Я могу за считанные часы перелетать от одной звезды к другой и видеть миры, которые я бы никогда не увидел. И там, ма, у меня есть жена...

– Жена? – Мать вздрогнула и посмотрела сыну в глаза. – А как же ты с ней... – женщине трудно было подобрать слова, – она же не такая, как мы. Она даже не негрityанка! – мать наконец-то сумела передать свое непонимание и тревогу.

– Да, она не негрityанка, – Андрей Кедров впервые, после приземления на Землю, рассмеялся. – Она намного лучше.

Несколькими словами он описал внешность своей жены.

– Чем-то похожа на Люську Коваленко.

– Нет, лучше, лучше! – Андрей вновь рассмеялся.

Рассмеялся и с удивлением обнаружил, что тоски по первой своей девушке у него уже нет. А ведь прошло всего лишь чуть больше трех месяцев с тех пор, как он здесь, около сво-

его дома, классно отметелил нескольких гостей, гулявших на свадьбе у Люськи и ее мужа, местного фермера Ивана. После этого, не догуляв трех дней до конца положенного после окончания института отпуска, он вынужден был удирать к месту службы. Это в мирной жизни три месяца – так, пустяк. Просто длинный отпуск. А там, где ежедневно рискуешь жизнью, день идет за два, а то и за три. А иногда и за год, и даже за десятилетия. Тому пример – седеющие за один день боя молодые двадцатилетние пацаны. Нет, не три месяца провел вне Земли молодой, двадцатитрехлетний парень. Сколько надо времени здесь, на Земле, чтобы увидеть, как от вспышки лазерного луча взрывается огромный звездолет? Чтобы увидеть, как глубоко в недрах совершенно чужой планеты из темноты бесшумно бьет мощный рентгеновский луч и твой товарищ безмолвно, замертво бьется лбом о панель управления? Чтобы увидеть, как выступают капельки пота на лицах военных пилотов, когда бортовой компьютер их корабля отсчитывает последние секунды до прыжка в гиперпространство и не знаешь, увидишь ты еще раз звезды или нет? Сколько для этого понадобится времени? И сейчас, после всех произошедших с ним в течение последних трех месяцев событий, все эти местные страсти казались мелкими и неинтересными.

– А вообще-то, я зять Главного командора фролов. Это вроде что-то нашего министра обороны. Вот только армия у него значительно сильнее нашей.

– Ты всегда у меня, сынок, был очень практичным человеком, – только и смогла ответить мать.

Начавшийся день несся вскачь. Казалось, совсем недавно старенькие ходики отбомкали десять часов, а уже на улице полдень.

– Ивановна! Ивановна! – раздалось за окном.

Они только сели обедать. На столе дымился наваристый борщ, на плите призывно скворчала картошечка с салом, и зазывающе блестела бутылка с ядреным сельским самогонном.

– Ох, подожди, сынок. Я сейчас. Соседка волнуется, чего это я из дому не выхожу.

Мать встала из-за стола и вышла из дома.

– Не волнуйся, Никитична. Я прихворнула немного. Чуток отлежусь, и все будет в порядке.

– Может, помочь чем надо?

– Нет, не надо. Спасибо, соседка.

– Ну, как знаешь.

– Беспокоятся о тебе, – Андрей улыбнулся матери, когда та вернулась за стол.

– Беспокоятся, – согласилась мать. – Они же думают, что я осталась одна, – женщина невольно вздохнула.

– Ма, ну не надо. Я же объяснил, почему я хочу улететь. И я же не навсегда. Я к тебе каждый год буду прилетать в гости.

– Вот так же по ночам?

Сын молча пожал плечами.

– Ну, ладно, – мать махнула рукой. – Давай, за тебя!

Два небольших граненых стакана с глухим стуком соприкоснулись.

«Эх, куда там этим кроковским или фроловским пойлам до русского самогона!»

Сумерки неслышной поступью вошли в дом. На небе уже проступили отдельные звезды.

– Когда ты уходишь?

– В полночь.

– Чего ж они, – кивок на окно, – не могут тебя хотя бы на недельку домой отпустить?

– Звездолет, на котором я прилетел, должен остаться незамеченным. Для этого много энергии тратится на поддержание режима невидимости. А нам еще лететь обратно. И лететь очень долго. Пять прыжков! Чтобы долететь сюда, десятков звездолетов делали промежуточные базы с топливом.

– До тех звезд? – вновь кивок на окно.

– Тех звезд, мама, отсюда не видно...

– Ох, сыночек, сыночек. А чего ж они вообще боятся открыться? Раз они такие сильные, чего ж они нас боятся? Что мы можем им сделать?

– Они за нас боятся, да и за себя. Боятся быть втянутыми в наши земные разборки. И не дай бог, их оружие случайно попадет кому-то из землян в руки. Уж очень велико будет искушение его применить. Это все равно, чтобы сейчас у ка-

ких-нибудь террористов в руках оказалась атомная бомба.

– Не дай бог!

– Вот видишь. Мы еще не доросли для сотрудничества с ними, мама. Мы можем оказаться их колонией, одной из туристических достопримечательностей. К нам будут летать, как у нас сейчас летают в какие-то глухие районы, где специально для богатеньких туристов созданы поселения, где люди ведут старинный образ жизни. А на наши войнушки будут смотреть, как мы смотрим на представления, где сотни людей машут мечами для потехи зрителей.

«Да и далеко очень. Овчинка выделки не стоит. Что мы им можем дать? А затраты, чтобы прилететь сюда колоссальные», – уже про себя подумал Андрей.

Ночь мягко опустилась на землю.

– Ну, все ма, мне надо идти, – необходимые слова были произнесены.

– Надо, так надо, – через паузу ответила мать. – Опять мне придется к тебе на могилку ходить?

– Какую могилку?

– Твою. Как пришло сообщение о твоей гибели, так через неделю сюда привезли гроб закрытый. Сказали, что твой. Но открывать не разрешили. Так и похоронили, с салютом.

– Да... хотел бы я знать, что они в том цинке похоронили.

– Не расстраивайся, сынок. Если кого похоронили, а человек на самом деле жив, то будет он жить еще долго!

– До встречи, Ворон.

Тихо скрипнула калитка. И вновь над ним крупные яркие звезды, висящие в безмолвной тишине. Нет, не в безмолвной. В ночном воздухе, всё нарастая, звучало:

Вот новый поворот и мотор ревет,
Что он нам несет – пропасть или взлет...

Хорошо поддатый голос горланил, пытаюсь, очевидно, показать, как этот самый «мотор ревет». И «ревело» это около дома Ивана Охрименко – мужа Люськи Коваленко, вернее сейчас Охрименко. Ноги сами понесли Кедрова туда.

Они стояли у открытой железной калитки. Иван, двумя руками опершись на ворота, словно пытаюсь их снести, упоенно горланил:

И пугаться нет причины, если вы еще мужчины,
Если вы кое в чем еще сильны...

Рядом стояла Люда, пытаюсь оторвать мужа от ворот и втолкнуть во двор.

– Да пошли же домой, горе окаянное! Перед людьми стыдно, – донеслось до Андрея. – Ох, горе. Это же надо так нализаться в гостях.

Высокий полноватый мужчина что-то промычал, затем, притянув к себе свою жену, вновь заорал-запел:

И пугаться нет причины, если вы еще мужчины,
Если вы кое в чем еще сильны...

– А я еще кое в чем силен!

Андрей и сам не знал, что его заставило выйти из темноты на освещенный фонарем пятачок около ворот дома.

– Андрей, ты?! Живой? – лицо молодой женщины смяло испугом.

Взгляд Кедрова невольно сфокусировался на заметно округлившемся женском животе.

«Ах, вон оно как».

Он поднял голову и посмотрел в медленно трезвеющие и наполняющиеся ужасом глаза мужа Людмилы. Затем также медленно Андрей положил ему на плечи руки и резким движением притянул к себе.

– А-а... тебя же похоронили, Волк, – в свете фонаря было отчетливо видно, как красноватое лицо Ивана побледнело.

О, теперь перед Андреем стоял не тот уверенный в себе мужчина, который пришел к нему с толпой гостей на следующее утро после драки.

– Будешь обижать Люду, я еще к тебе приду. Благо, я тут недалеко поселился, – кивок в сторону кладбища.

– А-а... да, да. То есть нет! Не буду обижать!

– Тогда пока, – Кедров еще раз тряхнул за плечи стоящего перед ним мужчину и растворился в ночи.

– Все нормально? Все свои дела решил? – Главный командор вопросительно смотрел на своего зятя.

– Даже чуть перевыполнил, – Андрей улыбнулся, вспомнив испуганное лицо Ивана.

– Мы тут тоже не зря на орбите болтались. Словом, сумели мы тут в один банк влезть. А ты говорил, вряд ли, вряд ли. Нули и единицы в компьютерах, они, что на Матее, что на Земле нули и единицы. Так что ломать защиту мы знали как. Тем более операционка у вас слабенькая. Дыр много.

«Бедный Гейтс. Слышал бы он это», – Андрей улыбнулся.

– Чего улыбаешься?

– Да так, своему.

– Так что за мать не волнуйся. Будут ей с этого банка ежемесячно деньги перечислять, сколько ты просил.

– А не заметят?

– Ну, это вряд ли, – хмыкнул Матрул ДарВул. – Но мы на всякий случай подстраховались и еще один банк напрягли. Продублировали, так сказать, – после паузы добавил он с улыбкой. – Ну что полетели?

– Полетели...

Десантный бот бесшумно прыгнул в ночное небо.

Через десять минут Андрей был на орбите, а еще через три часа – за шестьсот тысяч световых лет от Земли, на Матее.

Если кого похоронили, а человек на самом деле жив, то

будет он жить еще долго!

Глава 2

– Нет! – резко и гневно ударило в комнате. – Я не предатель!

– А как же запись, господин Харк? – Второй голос был спокоен и абсолютно нейтрален, ни гнева, ни радости, ни сожаления, ничего – голос главного следователя Высшей Прокуратуры Содружества свободных планет.

А сам обладатель голоса хмуро смотрел на известного политика. Тот тяжело вздохнул и уже значительно тише мгновенно постаревшим голосом ответил:

– Ну сколько можно говорить? Это провокация. Сарб меня уверил, что через этого, как его... Кедрова он хочет протолкнуть челам дезинформацию относительно нашей операции по освобождению Эльдурея. Я согласился. Кто же не захочет помочь своему государству? – на последней фразе голос Харка стал громче.

– А директор Службы государственной безопасности господин Сарб утверждает обратное. Он утверждает, что именно вы вышли на него и предложили сделку – он передает челам правдивую информацию о наших планах по освобождению Эльдурея, а вы за это, став Президентом, назначаете его Верховным адмиралом Объединенного флота и вице-президентом страны, – говоря это главный следователь О'Ралли Харрис включил телевизор, стоящий в углу кабинета.

И вновь зазвучали ставшие уже ненавистными Харку слова: «Я, О’Санни Харк, председатель партии „Справедливость и порядок“ и бригадный генерал О’Локки Сарб, директор Службы государственной безопасности с помощью чела Андрея Кедрова передаем план операции по освобождению Эльдурея командованию челов. В этом плане содержится исчерпывающая информация о дате начала операции, силах, привлеченных для ее выполнения, направлениях удара и маневрах каждого боевого звездолета».

– Как видите, вы сами исчерпывающе все сказали. И даже объяснили челам свой поступок, чтобы у тех не возникло и тени сомнений в правдивости переданной информации.

И вновь Харк услышал свой голос из телевизора: «Теперь мы хотели бы объяснить наш поступок. У меня и у генерала Сарба давно вышло убеждение, что внутренняя и внешняя политика, проводимая нынешним Президентом Норком, губительна для государства кроков. Попытаться сместить Норка при помощи заговора или восстания, при существующей конфронтации с вами, значит подвергнуть страну громадному риску. Остается устранить его демократичным путем, с помощью выборов. В настоящее время рейтинг Норка невысок, но в случае освобождения Эльдурея он повысится и этот человек останется президентом еще на семь лет, ввергая страну в пучину экономического спада и военных поражений. Именно поэтому мы, О’Санни Харк и О’Локки Сарб, решаемся на этот поступок. В случае неудачи под Эльдуре-

ем Норк гарантированно проиграет выборы и Президентом стану я, О'Санни Харк. Моими первыми шагами будет направление вам делегации с целью заключения перемирия, а потом и мира».

– Это, господин Харк, государственная измена, – голос следователя был все также сух и бесцветен. – Подлинность записи подтверждена экспертами, в том числе и теми, которых предложила ваша партия.

«Всемогущий Картан, какой же я глупец. Как я мог поверить Сарбу? На меня что, затмение нашло? – Харк смотрел на себя, застывшего в телевизоре, со смешно открытым ртом. – Вот так же смешно, жалко я буду выглядеть в суде. Ну, нет, не дождетесь. У меня есть алиби. У меня есть записка. И завтра ее должны показать. Завтра».

– Я уже устал повторять, господин следователь. Это не измена, а провокация. Провокация, разработанная Сарбом по поручению Президента, направленная на мою дискредитацию. И в этом вы завтра убедитесь. Все убедятся!

– Хорошо, подождем до завтра, – О'Ралли Харрис нажал кнопку вызова охраны. – А пока в камеру, господин Харк, – на лице следователя мелькнула улыбка, первая, которую он себе позволил за время допроса.

Огромная, под стать размерам и могуществу государства кроков площадь Содружества, казалось, исчезла, затопленная людским морем. Сотни тысяч, да нет, скорее несколь-

ко миллионов человек расположились вокруг грандиозного памятника – символа Содружества – семи мощных стальных колонн, по числу цивилизаций, объединившихся в одно государство. Колонны взметнулись на пятьсот метров вверх. Увенчаны они стометровым шаром, символизирующим звезду Парму – центр Содружества свободных планет.

Низко летящие облака, подгоняемые сильным ветром, казалось, вот-вот зацепят этот шар. Но не только ветер сейчас хлестал по символу кроковской цивилизации. Могучее, миллионноголосое: «Свободу Харку! Нет провокации! Харк – наш президент!» било по шару снизу. Этот поток человеческих голосов, вопль, единый выдох миллионов грудей то иногда затихал на несколько секунд, то вновь с удвоенной силой взмывал ввысь.

– Господин Сарб, вы уверены, что держите ситуацию под контролем? – Президент Норк с высоты седьмого этажа смотрел на раскинувшееся под ним гневное людское море. Огромное зеркальное пуленепробиваемое окно кабинета делало Президента невидимым для его народа. – Мне кажется, сейчас хватит небольшого толчка, любой искры, чтобы все это взорвалось.

– Ни искры, ни толчка не будет. Повторяю, господин Президент, все под контролем.

Из-за облаков, тихо работая двигателем, вывалился флайер. Выровняв полет, он закружил над площадью, оставляя за собой легкий белесый след, быстро тающий в воздухе.

– Они готовят какой-то показ! Кто разрешил?

– Я, господин Президент. Это будет хорошим дождичком, способным погасить любую искру. Да что там искру, этот дождик боевой лазерный луч погасит!

– Мне нравится ваша уверенность, генерал.

– Граждане Содружества свободных планет, – громко донеслось с площади, – сейчас вы увидите бесспорные доказательства невиновности нашего дорогого Харка. Вы увидите, что этот человек способен ради процветания нашего государства пожертвовать своей карьерой и отказаться от поста Президента страны. А разве нынешний Президент Норк способен на это?

И площадь тут же взвыла миллионами глоток:

– Не-е-ет!!!

Норк, не дрогнув ни одним мускулом, смотрел на это гражданское выражение нелюбви к себе.

«Интересно, а не проведи я эту операцию, победил бы ты на предстоящих выборах? – директор Службы государственной безопасности вместе со своим непосредственным начальником смотрел вниз, – впрочем, операция еще не завершена. Расслабиться можно будет только тогда, когда человек, стоящий рядом со мной, после выборов вновь войдет в этот кабинет».

– И все же надо было запустить на площадь и моих сторонников. И их было бы не меньше, чем у Харка! – в голосе Президента проскользнула ревность к своему политическо-

му оппоненту.

– Этот митинг транслируется на все Содружество. И более чем возможное в этом случае столкновение между людьми, которое наверняка привело бы к жертвам, повредило вашему имиджу, господин Президент.

– Не-е-ет!!! – ударило вновь в окна.

Норк недовольно поморщился.

– А так вы после фиаско на этом митинге выступите и скажите, что я мог бы привести на площадь не меньше своих сторонников, но, опасаясь, за жизнь людей, не сделал это.

– Я сам знаю, что и как говорить своему народу! – Норк вновь недовольно поморщился.

– Конечно, господин Президент.

– Разве нынешний Президент, способен, ради процветания государства отказаться от своего поста? Нет! – раздалось с площади.

– Не-е-ет! – громыхнуло в ответ.

– Он, наоборот, приложит все усилия, чтобы правдами и неправдами удержаться на нем. И яркое тому доказательство, этот видеоролик! Сейчас его увидят миллиарды наших сограждан на всех планетах нашего государства. Смотрите!

Небо над площадью превратилось в огромную, всем известную заставку телеканала «Правдивые новости» – компьютер, получив телесигнал, начал управлять, установленными в различных местах площади, специальными лазерными установками, «разрисовывая» ими распыленный флайе-

ром тонкий слой аэрозоли.

Сарб неожиданно понял, как он волнуется. Если на небе сейчас закрутится видео, все – можно тут же под испепеляющим взглядом Президента писать прошение об отставке.

Красочная заставка, «повисев» в воздухе несколько секунд, сменилась гигантским черным квадратом. Секунда, другая – на небе ничего не менялось. Черный квадрат, не несущий и бита информации, накрыл площадь, закрывая свет. А люди все стояли, задрав голову, пытаясь увидеть желаемое, – их кумир, харизматичный лидер партии «Справедливость и порядок» О’Санни Харк не виновен, не предатель. Но в черном пятне на небе что-либо разглядеть было невозможно. Вернее, можно. О’Санни Харк – не Президент...

– Я же говорил, господин Президент. Эта черная грозовая «туча» над площадью способна затушить все! Теперь самое время вам выступить по телевидению, господин Президент. У меня все готово!

– Давайте, Локки, действуйте! – Президент назвал Сарба по имени – в окружении Норка все знали, что это знак особого расположения к человеку.

«Все же Блестящая заслужила высокую награду», – директор Службы государственной безопасности с достоинством поклонился Президенту.

– Ничего не понимаю, ничего не понимаю, ведь было же... – директор оппозиционного телевизионного канала

«Правдивые новости» О’Коррни Нрис, сидя у себя в кабинете, наверное, в десятый раз растерянно повторял эти слова и с наименьшей растерянностью глядел в телевизор.

Ведь он каких-то два часа назад лично смотрел запись, которую ему тогда же и привезли. Привезли на флайере, который в крутом пике буквально свалился на крышу его телецентра. Тогда с записью было все в порядке. Его друг еще со школьной скамьи, О’Санни Харк, говорил совершенно правильные, красивые слова о служении Родине, о желании ей помочь даже рискуя проиграть выборы Президента. А рядом сидящий директор Службы государственной безопасности бригадный генерал Сарб подтверждал это! Да покажи это видео стране и все, О’Санни Харк – Президент! Вот именно – покажи...

– Ничего не понимаю, ведь было же, – как заклинание, в одиннадцатый раз Нрис произнес эти слова.

Но «заклинание» не подействовало, чудо не произошло. Черный квадрат по-прежнему висел над площадью Содружества, а его меньшие братья висели в миллиардах телевизорах по всей стране.

«Это конец, – Харк тупо смотрел на экран телевизора. – Кто предал? Он последний раз смотрел запись вместе с Вессой. Потом отдал своему телохранителю. Тот отвез ее Ралли. Ралли? Нет, не может быть. Ралли ему слишком многим обязан, слишком многим...»

...Харк тогда был не главой партии, а средней руки партийным функционером на общественных началах. Себе на жизнь будущий известный политик зарабатывал врачом в одной из клиник. А Крисс, а точнее О'Крисс Ланан служил в полиции агентом второго класса. Жили они тогда в одном доме, поэтому при встречах сдержанно здоровались или просто кивали, не более того. Поэтому Харк очень удивился, увидев однажды Ланана на пороге своей квартиры.

– Выручай, – просто сказал он.

Больше Крисс ничего не добавил. Все остальное за него договорили глаза, глаза попавшего в беду сильного мужчины. Почему он, Харк, решил ему помочь, в этом, как оказалось, весьма щекотливом деле? Просто он почувствовал какой-то внутренний импульс, симпатию к этому невысокому, но крепко сложенному человеку. И часто оказывается, что именно такие внутренние импульсы, без всяких просчетов, подсказывают человеку наиболее правильное решение. Вернее, расчет происходит. Его делает подсознание по своим, одному ему ведомым законам. И если человеческий мозг сравнить с компьютером, то сознание – это обычный, пусть и производительный процессор, который и в подметки не годится к мощному многоядерному процессору подсознания, который мог вести параллельно множество вычислений и за доли секунды был способен просчитать самую сложную жизненную ситуацию. Только надо услышать этот ответ, а, услышав, не отвергнуть. Харк тогда его не отверг...

О' Крисс Ланан вляпался в очень некрасивую историю. И это было очень мягко сказано. Можно сказать, что агент второго класса криминальной полиции был по уши в дерьме. Будучи женатым, он закрутил, как ему казалось, легкую интрижку с молодой девицей весьма свободных нравов. Пользуясь тем, что жена с маленьким сыном улетела навестить своих родителей на Ильктуру, что в двух тысячах световых лет от Арикдны, Крисс целый день таскался с этой девицей по всем значным местам, которые хорошо знал по долгу службы. Вечером этого же дня он затащил основательно пьяную подружку к себе домой и без особых прелюдий уложил в постель. Пробуждение было ужасным. И не потому, что незатейливая смесь виски и водки, обильно принятых накануне вечером, сделали свое привычное дело. Голова не то что, казалось, раскололась на две части, а вдобавок еще и каждая ее половинка была пошинкована на мелкие кусочки, словно капуста в бочке. Это было, в общем-то, привычно. Ужасным было другое. Рядом с ним сидела голая девица, ревела в три ручья и все порывалась куда-то позвонить. Преодолевая головную боль, с трудом вспоминая свою профессиональные навыки, Крисс сумел за каких-то десять минут вытрясти из девицы причины ее более чем странного поведения. И оказалось, пропасть разверзлась прямо на оскверненном супружеском ложе. Эта однодневная подружка полицейского была из весьма уважаемой семьи. Ее отец занимал высокий пост в одном из министерств, и самое главное, – она бы-

ла несовершеннолетней. И к тому же девственницей. Просто малышка на день вырвалась из-под родительской опеки и решила доказать всем, что она уже взрослая.

– Доказала... – Крисс сидел на измятой постели и тупо смотрел на красное пятно на ней. Вспоминая вчерашний вечер, свои ощущения, мужчина признался себе: да взятие девичьей крепости вчера было. Просто по пьяни он тогда подумал, что недостаточно разогрел девицу. – Черт, и угораздило же меня.

Он еще раз окинул взглядом сидящую рядом с ним обнаженную девушку. Маленького роста, худенькая, с выпирающими ключицами, хотя уже с заметно округлившейся грудью.

«Девушка была тонкая и хрупкая, поэтому ломалась недолго».

– Баккар! Твою мать, надо же так вляпаться! – уже вслух выругался Крисс.

Полицейский быстро прокрутил сценарий дальнейших событий. Сейчас эта малышка дозвонится до любимого папочки и навзрыд попросит его забрать ее отсюда. Потом медицинское освидетельствование, суд и пятилетний срок за соращение несовершеннолетней. Хорошо, хоть за это не дают рудники Гамеда. Что же делать? Избавиться от девушки? Исключено. У таких родителей дети просто так не исчезают. Все раскрутят и довольно быстро. Наверняка найдется не один свидетель, который их видел во время слалома по ба-

рам. Так что, прощай карьера полицейского, прощай устроенная жизнь? А если... а если медицинское освидетельствование ничего не покажет? А как это сделать?

– На выпей, легче станет. – Крисс подал девушке стакан с водой.

Та отрицательно махнула головой.

– Ты в таком виде хочешь предстать перед родителями?

Девушка послушно взяла стакан и сделала несколько глотков. Через минуту она уже вновь повалилась на кровать – снотворное подействовало безотказно. А еще через пять минут он стоял около квартиры Харка.

Будущий председатель партии «Справедливость и порядок» молча выслушал полицейского и лишь коротко сказал:

– Хорошо.

Крисс отвез полусонную, ничего не соображающую девушку в кабинет Харка. Полчаса – и так неосмотрительно нарушенная девственность была восстановлена.

– Ты еще пару часиков можешь ее где-нибудь подержать? Я ввел ей специальную мазь. За пару часов ее действия следов склейки уже не будет видно.

– Я ее покатаю по городу. Пусть придет в себя. А потом пусть летит к своему папашке. Что я тебе должен?

– Потом сочтемся.

Харк не ошибся в Ланане. Тот никогда не забывал, какую услугу ему оказал врач и по совместительству партийный деятель. И время от времени подкидывал ему разного рода ин-

формацию, хотя Харк его об этом и не просил. За пятнадцать лет О'Крисс Ланан дослужился до поста главного окружного агента, а Харк – до депутата Высшего парламента Содружества свободных планет, председателя одной из крупных партий. Когда Харк разыгрывал свою комбинацию с Сарбом, он недолго раздумывал, кому доверить на хранение карту памяти с видеозаписью, которая полностью оправдывала его в случае нечестной игры со стороны директора Службы государственной безопасности.

«Нет, это не Крисс. Я не мог в нем ошибиться. Да и потом наверняка перед тем, как запустить запись в эфир, Коррни должен был ее просмотреть. Мало ли что. Значит, Коррни... или кто-то, кто имел к этой видеозаписи доступ. Неужели Сарб меня переиграл? – Харк аж заскрежетал зубами от бессилия. – Теперь все. Суд и пожизненное заключение, с отбытием наказания на Гамеде. А пожизненное на Гамеде – это десять лет максимум. Или радиация за это время доконает, или серая волна убьет», – со стоном известный политик повалился на тюремную койку.

«Ну вот и все, дорогой. Свою гонку за кресло Президента ты уже закончил, досрочно. – Красивая молодая женщина с иссиня-черными волосами, расслабленно раскинувшись в кресле, смотрела на экран телевизора. Собственно, смотреть было не на что. Экран был черен. Обещанной видеозаписи, доказывающей невиновность председателя оппозици-

онной партии „Справедливость и порядок“ О’Санни Харка не было. – Тебя сняли с этой гонки. Знаешь, есть такой спортивный термин – техническая дисквалификация. Это как раз про тебя. Ты нарушил правила – расслабился. Увы, политики на это не имеют права. Для них политика – это пылкая любовница. А ты эти понятия разделил».

– По техническим причинам показ видеозаписи с выступлением председателя партии «Справедливость и порядок» господина Харка переносится, – черный цвет экрана сменился красивым личиком молодой телеведущей. – Время показа будет сообщено дополнительно. Приносим вам свои извинения.

«Ага, сообщат они дополнительно. Трудно показать то, чего нет». Известная писательница и тележурналист А’Весса Лам нажала кнопку, и кресло тут же трансформировалось в огромную роскошную кровать.

Женщина с наслаждением потянулась. Кто-кто, а она заслужила отдых. Ведь именно она, Весса Лам, агент Службы государственной безопасности с кодовым именем Блестящая, так много сделала, чтобы миллиарды телезрителей во всех уголках огромной страны, раскинувшейся на добрую сотню тысяч световых лет, увидели на экранах своих телевизоров черный квадрат. Ведь именно она сумела записать на карту памяти с реабилитирующей Харка видеозаписью небольшую программку – компьютерный вирус, стирающий видеофайл, – сразу после его просмотра. Точнее стира-

ющий во время этого просмотра. Воспроизвелся кадр, «ожили» очередные сотни килобайт информации и тут же, чик и все – нет их. Больше они никогда не «увидят» свет телеэкрана.

И неудивительно, что директор телеканала «Правдивые новости» О’Коррни Нрис ничего не мог понять. Ведь он сам, собственными глазами видел видеозапись. Да видел. Видел и тут же уничтожал, правда, сам не зная этого.

«Теперь пора подумать и о вознаграждении за такую работу. Надо Сарба хорошенечко потрясти. Когда представится еще такой случай? – Лежащая женщина обвела глазами комнату. – Хотя и этот дом Харка – уже неплохое вознаграждение». – Податливое, но в то же время упругое ложе приятно расслабляло тело.

А’Весса Лам сладко потянулась. Она находилась в огромном роскошном доме Харка, куда переехала месяц назад на правах его любовницы.

«Правда существует еще бывшая жена, двое детей. Ничего. Имущество государственного преступника подлежит конфискации... ладно, посмотрим, – мысли все медленнее текли в засыпающем мозге, – главное – работа сделана. Видеозапись уничтожена».

О’Кнопп Зирк, скромный технический работник телеканала «Правдивые новости», пританцовывая от нетерпения, ждал лифт. Наконец дешевая пластиковая клетушка взмыла

вместе с ним на двадцать девятый этаж. Все так же пританцовывая, мужчина приложил большой палец к дверному замку. Дверь тотчас услужливо распахнулась. Все, дома! Сердце колотилось как при первом свидании. Да, какое первое свидание! Девушек на свете, как звезд, и добраться до них значительно легче. Гиперпространственный звездолет точно не нужен. А вот того, что лежит у него в кармане, ни у кого больше нет. Ни у кого! Зато желающих посмотреть на это – миллиарды! Вся страна! Вон что творилось на площади Содружества, не протолкнешься!

Чуть подрагивающими руками Зирк вставил черный квадратик карты памяти в телевизор и с наслаждением утопил кнопку пуска.

«– Уважаемые граждане Содружества свободных планет, я, О’Санни Харк, председатель партии „Справедливость и порядок“, и я, бригадный генерал О’Локки Сарб, директор Службы государственной безопасности, понимая всю значимость для Содружества планеты Эльдурей, совместно разработали операцию, одобренную господином Президентом Норком, по дезинформации нашего противника относительно наших планов по освобождению этой планеты».

Сверхважный государственный секрет как-то по будничному звучал в скромной квартирке скромного телевизионного служащего.

– Правильно говорили на площади, Харк невиновен. Его действительно подставил Сарб.

«— План операции состоит в том, что вот этот чел, — в телевизоре Харк указал на сидящего рядом с ним высокого светловолосого парня, — захваченный две недели назад в одном из отдаленнейших секторов Вселенной, передаст командованию челов ложный, выгодный нам план операции по освобождению Эльдурея. Я правильно говорю, генерал Сарб?

— Вы говорите абсолютно точно», — уверенно прозвучал из телевизора голос директора Службы государственной безопасности.

— Сука!! А распиался тут на всех каналах, что Харк предатель. — Рука сидящего перед телевизором человека уверенно нашарила стоящий рядом с креслом бар и вытащила из него баночку пива.

«— Чтобы противник поверил нашей дезинформации, разработана легенда, по которой якобы Сарб, видя шаткое положение нашего Президента, решил выдать врагу истинный план операции по освобождению Эльдурея, чтобы я наверняка на следующих выборах занял этот пост. А в благодарность за это я должен его назначить Верховным адмиралом нашего Объединенного флота и вице-президентом страны. Повторяю, что это только легенда, призванная убедить челов поверить нашей дезинформации».

— Ну Харк, тоже хорош. Нашел, кому поверить, главному гэбэшнику! У него точно с головой не все в порядке. — Указательный палец легко сдернул крышку с банки. Холодная жидкость приятно обожгла нёбо. — А еще депутат. Правиль-

но говорят, что в Высшем парламенте сидят одни задницы.

«— Я отлично понимаю, что в случае выполнения нашего плана, то есть в случае, если челы поверять нашей дезинформации и это будет способствовать освобождению Эльдурей, то скорее всего мой политический оппонент — нынешний Президент страны господин О’Ролли Норк будет избран на следующий срок. Но я также отлично понимаю, что нынешними своими действиями, я могу реально спасти сотни и тысячи жизней своих сограждан, могу помочь освободить Эльдурей, а значит, предотвратить захват челами третьего сектора нашего государства. И поэтому, как патриот своей страны, я сознательно иду на это. Я надеюсь, что мой народ поймет и оценит мой поступок. Благодарю за внимание».

Запись закончилась. Застывший Харк чуть устало смотрел на Зирка.

— Ну и что мне с тобой делать? — Медленно прихлебывая пиво, хозяин квартиры задумчиво смотрел на известного политика. — Покарать или помиловать? Оставить эту запись себе или отдать твоим друзьям? — Значимость своей персоны кружила голову сильнее высокоградусного пива. — Ну что скажешь, депутат?

Безмолвный Харк равнодушно смотрел на куражащегося маленького человечка.

— Значит, так. Можешь радоваться — я тебя спасу, — большой глоток пива, — и не потому, что я тебя уважаю. Все вы, политики, большие задницы, — еще один глоток. — Просто

грех на такой заднице не срубить побольше бабла, – глоток, и пустая банка из-под пива полетела на пол.

В тот же день Сарб получил гиперсообщение из района астероидного пояса Арбзира: «Молот ударил хорошо».

«Две хорошие новости в один день. Не пересластить бы. Всемогущий Картан не любит чрезмерно одаривать людей. Он потом может с лихвой за это взять плату», – эта, совершенная ненужная в данный момент, мысль помешала директору Службы государственной безопасности бригадному генералу О’Локки Сарбу по-настоящему насладиться сегодняшним успешным днем.

Глава 3

– Так ты честно скучал? – Сильное женское тело навалилось на Андрея сверху.

– Очень! – искренне воскликнул мужчина.

– Поклянись!

– Чтоб я сдох!

– Фу! Какие у вас на Земле клятвы. – Давление женской груди на мужскую сразу ослабло. – У нас, когда парень клянется в любви к девушке, то говорит: «Клянусь голубым небом Матеи» или: «Клянусь Великим Мортонном».

– Дира, знаешь, чего вам, фролам, точно не хватает?

– Чего, – настороженно спросила девушка, ожидая подвоха.

– Чувства юмора! Вы все воспринимаете всерьез.

– Так ты сейчас шутил? – И вновь землянину сперло дыхание от навалившегося на него тела слабого пола. – Все вы мужчины одинаковы!

«Да, в такую грудь стрелой амура трудно промахнуться».

– Я исправлюсь, – бывший российский десантник с наслаждением провел рукой по столь соблазнительной для любовных стрел мишени.

– Попробовал бы сказать что-то другое!

И вновь мужчина почувствовал, что его тело будто растворяется в чем-то жарком и упругом. И уже больше ниче-

го не хочется, только растворяться и растворяться без остатка, ощущать, как горячая волна заполняет тебя без остатка и хочется кричать от этого обжигающего тепла. Кричать от наслаждения.

– Эльдира, Андрей, можно войти?

– Ммм... ну вот... иногда отцы бывают некстати, – девушка скатилась с Андрея на кровать и натянула на себя одеяло. – Па, конечно, можно.

Дверь в спальню тут же распахнулись под энергичным натиском, и молодожены на пороге увидели Главного командора. Тот, мгновенно оценив «поле битвы» и вид «противников», улыбнулся. Но тут же его лицо вновь стало хмурым.

– Мне надо с вами поговорить.

– Что-то случилось?

– Да. В поясе Арбзира пропал астероид.

Главный судья Руфи СакВок еще несколько секунд смотрел на тщетные попытки бабочки за окном сесть на цветок. Сильный ветер все время отбрасывал легкое тельце к каменному забору. И не отрывая взгляд от окна, он заговорил:

– Нет, инициировать отставку ДарВула мы не будем. – Пауза. – Как и не будем требовать начать переговоры с кроками. – Сильный порыв ветра припечатал хрупкую бабочку к стене, продер по камням и выбросил из двора. – Большинство наших граждан нас не поймут и в лучшем случае просто выгонят из наших кабинетов, а в худшем, – Главный судья

еще раз обвел опустевший двор и отвернулся от окна, – а в худшем устроят самосуд за предательство. Будем голосовать за более детальное изучение вопроса, чтобы затем принять более обоснованное решение по нему.

В кабинете повисла тишина. Каждый из пяти человек, пришедших к СакВоку, обдумывал сказанное.

– Но тогда нас может ожидать катастрофа, – тонким фальцетом нарушил тишину маленький, хрупкий мужчина с прилизанными жидкими волосами, олицетворяющий собой Управление правопорядка. – Матя может просто исчезнуть!

– Но сначала исчезнем мы. – СакВок даже не усмехнулся своим словам.

– Я согласен с уважаемым Главным судьей, – поддержал СакВока Главный дипломат Марзул ДарЗурас. – Надо сначала объяснить людям, какая опасность нависла над ними.

– Пока будем объяснять, уважаемый Главный дипломат, окажемся неизвестно где. А тогда уже будет поздно что-то делать, – возразил Главный полицейский.

– Значит, надо быстро объяснять, – прогудел со своего места Главный педагог Сурфи СакПартрок, – а так только бучу в стране устроим.

– Ну поймите же! У нас нет на это времени! – Фальцет Главного полицейского стал еще тоньше.

– Не паникуйте, уважаемый СакНаррок, – осадил Главного полицейского хозяин кабинета. – Во-первых, мы не знаем, как далеко продвинулись кроки в вопросе создания этого

оружия. Может, им еще надо несколько лет, чтобы довести его до ума.

– Вот именно, мы не знаем, как далеко продвинулись кроки! Поэтому мы не имеем права рисковать. Ведь опасности подвергается наша планета. А она у нас одна!

– Во-вторых, – продолжал Главный судья, словно не замечая криков Главного полицейского, – процесс, так сказать, прозрения народа можно ускорить. Ведь у нас, хвала Великому Мортону, есть люди – и их не так мало, – которые согласны со здоровой мыслью, что с кроками лучше сотрудничать, чем воевать. Потому что война для нас не приносит ничего хорошего. За полтора века у нас осталась всего одна планета. И этим людям не следует мешать доводить такую простую мысль до остального народа. Я ясно выражаюсь, уважаемый Главный полицейский? – и, чеканя каждое слово, Главный судья повторил: – Этим людям не следует мешать! Даже если, может быть, они будут излишне активны и напористы в этом вопросе. И, в-третьих, самое главное. Процесс прозрения народа можно не только ускорить, а значительно ускорить. – Руфи СакВок замолк и, обведя присутствующих взглядом, закончил: – Просто необходимо убрать причину, мешающую этому прозрению.

– Теперь я что-то вас, уважаемый Главный судья, не понимаю, – забасил Главный педагог, – то вы против отставки Главного командора, то сейчас говорите, что его необходимо убрать.

– Я рад, уважаемый СакПартрок, что вы сразу догадались, о какой причине идет речь. Думаю, что и остальные уважаемые члены Верховного совета достойных это поняли. – Хозяин кабинета вновь обвел взглядом присутствующих.

Главный дипломат, Главный полицейский, Главный ученый и Главный конструктор легкими кивками подтвердили это.

– Да, я против отставки Главного командора. Следует признать, что уважаемый Матрул ДарВул очень много сделал для нашей цивилизации фролов и поэтому пользуется заслуженным авторитетом и уважением. И отставка сейчас только будет способствовать его популярности. Нет, увольнять его с поста Главного командора не следует. – Руфи СакВок сделал паузу и все таким же монотонным голосом закончил: – Его необходимо убрать, как не прискорбно мне об этом говорить. Но безопасность государства дороже жизни одного человека, пусть и весьма заслуженного.

– Пойдите, уважаемый Главный судья. Вы хотите сказать...

– Все, что я хотел сказать, я уже сказал, уважаемый Главный полицейский.

– Все ясно. Необходимо ставить вопрос на голосование, – гулко подытожил Главный педагог. Кто за предложение уважаемого Главного судьи, прошу голосовать.

Члены Верховного совета достойных находились не в зале заседаний, поэтому им пришлось воспользоваться арха-

ичным поднятием рук.

Первым руку поднял, опередив даже хозяина кабинета, Главный педагог. Вслед за Главным судьей, как по команде, руку подняли Главный ученый и Главный конструктор. Медленно, последней поднялась рука Главного полицейского.

– Я рад, что мы единодушно приняли правильное решение. На сегодняшнем вечернем заседании Совета достойных уважаемый Глава Совета Варзарул СакТардол будет доволен – с Главным командором и его людьми перепалок не будет. До вечера.

Возникшие в кабине звуки отодвигаемых кресел и шарканья ног рассек звонкий фальцет Главного полицейского:

– Простите, но мы же не все решили по Главному командору. Необходимо разработать план... да и вообще, это не так все просто делается.

– Вот вы этим и займитесь, уважаемый СакНаррок.

– Я?

– А кто же? Не уважаемый же Главный педагог или Главный ученый. Это не по их специальности. Только не тяните. – Тон Главного судьи из добродушного вмиг превратился в жесткий. – Не позднее чем через пять дней план должен быть готов. Вы сами только что сказали, что у нас нет времени. – Руфи СакВок перевел взгляд во внутренний дворик своей резиденции. Он был пуст, бабочка там так больше и не появилась. – Но спешка не должна сказаться на надежности. Главный командор Матрул ДарВул больше не должен будо-

ражить наше общество.

– Как это пропал? – Эльдира задала вопрос даже быстрее, чем накинула на свое тело легкий халатик.

– Пропал – это значит исчез из астероидного пояса. – Резкий тон Главного командора выдал его волнение.

– А как такое могло случиться? – Андрей интуитивно понял, что самое лучшее сейчас, это дать тестю выговориться.

– В районе этого астероида датчики целостности пространства зафиксировали выход из гипера какого-то тела, – все еще хмурясь, начал объяснять Матрул ДарВул.

– Кроки?

– Ну а кто же еще. После этого вновь в этой же точке датчики фиксируют открытие окна. А через несколько минут там же происходит взрыв. Естественно, мы с помощью телескопов начали внимательно обследовать этот район. И уже через час поняли – исчез один астероид.

– Может, его кроки разнесли взрывом? Большой был астероид?

– Нет, Эльдира. Взрыв был не такой мощный, как нужно для этого. Астероид был примерно метров двести в диаметре.

– Тогда что?

– Наши эксперты, проанализировав всю собранную информацию, пришли к выводу, что кроки каким-то образом сумели перед несущимся по своей орбите астероидом от-

крыть гиперпространственное окно, и тот в него благополучно влетел. Где он сейчас, одному Великому Мортону известно.

– Па, но это же невозможно! Открыть гиперпространственное окно таких размеров!

– Теоретически это возможно. Другое дело, что мы и челы пока этого делать не можем.

– О, Великий Мортон! Что же делать? Ведь если это так, – девушка на мгновение запнулась, словно боясь высказать ту мысль, которая только что пришла к ней в голову, – то они могут и нашу Матею отправить в гипер!

– Я не думаю, что кроки это могут сделать сию минуту, – после паузы ответил Главный командор, – но они близко подошлись к решению этой задачи.

В комнате воцарилась тишина. Каждый из присутствующих помимо своей воли мысленно рисовал зловещую картинку – несущаяся в космосе зелено-голубая планета, а на ее пути разверзается поистине вход в ад – угольно-черное пятно – отверстие в гиперпространство. Секунда-другая – и планета бесшумно проваливается туда. Хлоп – и вновь на месте этого черного Ничто сияют звезды. Вот только Матеи там уже нет.

– Па, и что же делать?

Крупный, высокий мужчина с гривой седых волос опустил голову, не желая встречаться с вопросительным взглядом дочери.

– Не знаю, – наконец тихо произнес он. – Сегодня на вечер будет назначено экстренное заседание Верховного совета достойных. Там и решим, что делать. – В голосе мужчины особой уверенности не было.

– Знаю, что этот Совет решит, – гневно воскликнула Эльдира. – Там большинство смотрит в рот Главному судье. А тот спит и видит, как бы помириться с кроками. А тут такой повод представился. Если не помиримся, вернее, если покорно не склоним головы, то смерть.

– А ты что думаешь, Андрей?

Если откровенно, то землянин сейчас думал одно: схватить Эльдиру в охапку, на звездолет и к матушке, в воронежскую деревню.

Но, увидев перед собой пронзительный взгляд серых глаз ДарВула из-под густых седых бровей, бывший российский офицер-десантник спокойно и твердо сказал, как о давно решенном:

– Драться. Что же еще остается.

И тут он вновь был повален на кровать, а его жена, усевшись сверху, закричала:

– Правильно! Будем драться! Поставим не на тысяче астероидах боевые лазеры, а на десятках тысяч! Поднимем на патрулирование все наши звездолеты. Пусть только попробуют кроки еще раз появиться в нашем поясе! Тут же уничтожим! Попросим помощи у челов. Они нам должны помочь. Ведь это новое кроковское оружие и им угрожает.

Главный командор смотрел на раздумывающуюся, возбужденную дочь. Впервые за время разговора по его лицу скользнула улыбка.

– Если бы все фролы думали, как ты, было бы значительно легче бороться с нашим врагом.

– Раньше, перед лицом опасности, Главный командор автоматически наделялся неограниченной властью. И никакие Главные судьи и пикнуть не смели! – Эльдира вскочила с кровати и подошла к отцу.

– Это было раньше, – грустно произнес тот. – Сейчас законы несколько другие.

– Плевать на законы! Наша цивилизация в опасности!

– Ты предлагаешь мне совершить государственный переворот?

– Не знаю... – девушка осеклась. – Ну пап, что-то же надо делать!

– То, что предлагает Эльдира, хорошо. Но рано или поздно кроки применят свое оружие, – твердо смотря в глаза Главного командора, произнес Андрей.

– Я это понимаю. Но у кроков еще нет оружия, способного отправить в гипер планету. Иначе, они бы это уже давно сделали. А такими своими действиями мы значительно осложним им процесс доводки этого оружия.

– Доведут в другом месте. Что, во Вселенной астероидов мало? – возразил Кедров.

– Да, ты прав, – после паузы ответил ДарВул. – Но что-то

же делать надо!

– А если попросить помощи у мнемов? Они же тогда нам здорово помогли при Эльдурее, – воскликнула девушка. – Андрей, попроси помощи у Лю.

– Мнемы не помогут, – вместо Андрея ответил Главный командор. – Вы же мне сами сказали, что они вмешиваться больше не будут. Кто победит, тот и будет развиваться дальше.

– Эльдира, твой отец прав. Не мнемы, не иры в нашу схватку с кроками не вмешаются. Мы сами должны завоевать свое место под солнцем.

– Великий Мортон! Так что же делать?

– Надо уничтожить центр, где разрабатывается это оружие, – спокойным, будничным тоном произнес землянин.

– Легко сказать! – усмехнулся Главный командор. – Его еще надо найти. А найдя, уничтожить! Не думаю, что он охраняется слабее того же Гамеда. А Гамед я уже атаковал, и на собственной шкуре почувствовал, что это такое.

– Но другого пути у нас нет, верно?

Огромный мегаполис медленно погружался в ночь. Альтия быстро и неотвратно скатывалась за горизонт. Яркое небо темнело, разукрашиваясь точками звезд. И в такт этому небесному прихорашиванию расцветивалась яркими разноцветными огнями земля. Четкими широкими светящимися полосами прорезали тьму автомобильные дороги и

улицы. Светящимися колоннами вспороли ночь башни небоскребов. А над ними, словно бабочки, летящие на свет, клубились сотни разнообразных флайеров. Одни из них садились на крыши небоскребов или на специальные, ярко освещенные площадки, нависающие над дорогами, другие, наоборот, поднимались все выше и выше, словно стремясь вырваться из цепких рук гравитационного притяжения планеты.

Две яркие точки появились над городом откуда-то с северо-запада. Пролетев на большой высоте над пригородами, они синхронно, с плавным боковым скольжением устремились вниз. Через минуту два больших красно-синих флайера уже замерли на небольшой прозрачной площадке, нависшей над деревьями одного из городских парков. Из каждого флайера вышло по четыре молодых человека, одетых в одинаковые, под стать расцветке своих летательных машин, красно-синие комбинезоны. Все держали в руках черные пилотские шлемы. По эскалатору они спустились в парк, встретивший их громкой музыкой и гомоном сотен отдыхающих. Недалеко от площадки для флайеров, у маленького озера, примостилось уютное кафе, стилизованное под фроловский звездолет-крейсер. Отбрасывая на воду огненно-красные блики, над его входом, похожим на входной люк в космический корабль, полыхало: «Обитель пилотов». Небольшая площадка перед кафе была уставлена столиками, похожими на пульта управления звездолетов, а кресла вокруг них, со-

ответственно, были точной копией пилотских кресел.

Народа в кафе было много – все столики были заняты. Прозрачные стены здания позволяли видеть, что и внутри недостатка в желающих провести вечер в «Обители пилотов» не было.

По бокам и в нескольких местах на самой площадке были установлены двухметровой высоты панели, которые при помощи хитроумной электроники были превращены в маленькие кусочки космоса – на черном фоне там сияли звезды, и время от времени среди них, словно нехотя, скользили звездолеты. Издали эти панели напоминали огромные аквариумы, внутри которых, лениво шевеля плавниками, плавали разноцветные рыбки. На самой большой панели, установленной точно посередине площадки, три фроловских «рыбки»-звездолета преследовали двух кроковских «рыбок». Где-то на середине панели один из кроковских звездолетов превращался в красно-желтую кляксу взрыва. Второй кроковский звездолет эта участь постигала у самой кромки панели, когда, казалось, он вот-вот уйдет от своих преследователей. И тут же этот миниатюрный кусочек псевдокосмоса прищипливался огненно-красными буквами, похожими на те, что составляли надпись «Обитель пилотов»: «Хороший крок – это мертвый крок». Подержавшись минуту, буквы постепенно гасли, уступая место ярким искоркам звезд. И вновь три фроловских звездолета преследовали двух кроковских. И вновь, словно забавляясь, электрони-

ка «убивала» последнего крока у самого края, за которым не бездна – спасение. И вновь кроваво-красным вспыхивал космос: хороший крок – это мертвый крок.

Восьмерка мужчин почти что строевым шагом подошла к центральной панели. Черные пилотские шлемы уже вновь были надеты. Ни слова не говоря, один из восьмерых прилепил к гладкой прозрачной плоскости небольшую красную коробочку. Тем временем семь остальных пилотов в красно-синих комбинезонах со всех сторон окружили панель. Вся отдыхающая в кафе публика с изумлением и непониманием наблюдала за разворачивающимся действием.

Секунда, другая – и черная бездна космоса в панели исчезла. Не успел в очередной раз «взорваться» даже первый кроковский звездолет. Панель озарилась мягким голубым светом, и ночью, в парке появился маленький кусочек знаменитого неба Матеи насыщенного иссиня-голубого цвета. Но вот голубой цвет разбавился зеленым – внизу панели показалось огромное, до горизонта зеленое поле, расчлененное на две части широкой рекой, красиво блестящей в лучах Альтии. Все без труда узнали в ней главную реку планеты – Иргуни.

Откуда-то с небес бесшумно спустился флайер и сел около реки. Распахнулся люк. Из флайера выпрыгнул мужчина, одетый в национальный фроловский костюм – голубые широкие штаны и зеленую, украшенную причудливым красным узором рубаху. Вслед за фролом в проеме люка показался

еще один мужчина. Недоуменно и молча наблюдавшие за показом посетители кафе разразились недовольными возгласами. Второй мужчина был явно крок. Об этом говорил ярко-оранжевый комбинезон с характерной эмблемой на правой стороне груди – семь колонн, увенчанных шаром. И чтобы ни у кого из зрителей не осталось и тени сомнений, что вместе с фролом на флайере прилетел крок, на панели крупным планом возникло его лицо – лицо красивого молодого мужчины-крока. Ошибиться было невозможно. На зрителей в упор смотрели его глаза с огромными черными зрачками, окаймленные узенькой желтой полоской. Крок тоже спрыгнул на землю. А дальше случилось невообразимое: мужчины обняли друг друга за плечи, и фрол стал свободной рукой водить из стороны в сторону, как бы показывая кроку, как прекрасна его планета. По изображению побежала надпись: «Фрол и крок – лучше сотрудничать, чем воевать».

Недовольные возгласы перешли в возмущенный рев:

– Ложь!

– Смерть крокам!

– Бей их!

Несколько десятков людей выскочили из-за столиков и устремились к центру площадки. В руках молодых людей в красно-синих комбинезонах блеснули дубинки-электрошокаеры. Первые побежавшие к ним несколько мужчин тут же повалились на пол, сбитые с ног мощными разрядами. Это еще больше разозлило нападавших.

– Ах так! Получайте!

В людей с электрошокерами полетели бутылки, стаканы и тарелки. Но те, надежно защищенные шлемами и противоударными комбинезонами, были неуязвимы и продолжали укладывать на пол все новых и новых посетителей «Обители пилотов». А им в спину продолжали улыбаться обнявшиеся фрол и крок.

Среди нападавших возникло замешательство. Уже полтора десятка посетителей кафе растянулись на пластиковом полу площадки.

– Да неужели мы не справимся с этими ублюдками! – неожиданно прогремел чей-то зычный голос. – Или мы не фролы? А ну стройся в колонну по три! – скомандовал невысокого роста пожилой мужчина. – Давай, давай, пошевеливайся! Ты так и к жене в постель с опаской лезешь?

Раздался дружный смех.

Наконец колонна, состоявшая из двух десятков мужчин, была построена. Впереди встал все тот же пожилой мужчина.

– А теперь бегом на ублюдков! – скомандовал он и первым бросился вперед.

Против такого живого тарана даже электрошокеры были бессильны. Несколько нападавших мужчин упали, получив разряды в головы, но тут же несколько людей в красно-синих комбинезонах были сметены, сбиты с ног. Вдохновленные этой победой, разъяренные сопротивлением, а еще больше изображением на панели обнявшихся фрола и крока, посе-

тители кафе бросились на остальных красно-синих. Минута ожесточенной драки, и все защитники панели были сбиты с ног. Чья-то рука сорвала с нее красную коробочку. Тотчас голубое небо Матеи, зеленое поле с протекающей по нему рекой и стоящие около неё улыбающиеся мужчины исчезли. И вновь в ледяной черноте космоса три фроловских звездолета преследовали два кроковских. А по ту сторону прозрачного пластика одни фролы избивали других.

Откуда-то сверху раздался вой полицейской сирены и над дерущимися людьми, в пяти метрах от земли завис полицейский флайер.

– Прекратить драку! – гроыхнуло оттуда.

И тут же, вслед за акустическими волнами на землю обрушились волны водяные. Тугие струи воды легко сбивали людей с ног, швыряли их об столы, кресла, панели. Драка, а точнее избиение мгновенно прекратилось. Из раскрывшегося люка на днище летательного аппарата спустилась небольшая гондола. Из нее выскочили несколько полицейских. Все молодые люди в красно-синих комбинезонах с их помощью были запихнуты в гондолу. Секунда – и полицейский флайер вновь взмыл над парком, на ходу втаскивая в себя болтающихся под ним людей.

Кармир ДарМинсарок, тележурналист пятого телеканала, довольно потер руки. Неизвестный, позвонивший в их редакцию новостей, не солгал. В кафе «Обитель пилотов» произошло действительно интересное событие, претендующее

не только на титул «Хит дня», а даже и на «Хит недели», а может, и месяца.

Ему уже звонили из редакции и вздох кричали, что их прямой эфир с парка сейчас в рейтинге первый.

– Карми, – орал выпускающий сегодняшних новостей, – добавь остроты! Драка закончилась, и многие телезрители сейчас начнут уходить на другие каналы. Придумай что-нибудь, Карми!

«Как минимум, пятьдесят процентов премии я сегодня уже наговорил!»

– Постараюсь, Руфи! – ДарМинсарок повернулся к своему оператору: – Теперь я подойду к этой панели и дам комментарий. А ты держи картинку так, чтобы было видно побольше валяющихся людей. Все, начинай снимать, – и тележурналист выбежал из-за кустов, откуда он наблюдал за происходящими событиями, и устремился к панели, вокруг которой только что кипели такие страсти.

– Уважаемые телезрители, вы только что могли наблюдать, как группа неизвестных людей провела беспрецедентную в нашей истории акцию. Они впервые открыто заявили, что с кроками лучше сотрудничать, чем воевать. Реакцию посетителей кафе вы видели. Если бы не вмешательство полиции, этих людей могли бы просто забить ногами до смерти. А сейчас я попытаюсь взять интервью у одного из участников событий, – Кармир осмотрелся вокруг и, увидев мужчину, который уже смог подняться с пола и сесть в кресло,

устремился к нему.

– Пятый телеканал. Служба новостей, – выпалил он, наклоняясь к мужчине. – Здесь только что была драка. Вы, вместе с другими посетителями кафе, пытались помешать неким людям открыто выразить свою точку зрения, что сотрудничество с кроками лучше, чем война с ними. И даже были готовы убить этих людей. Вы и сейчас считаете, что поступили правильно? Или, может быть, все же было бы лучше в спокойной обстановке обсудить этот вопрос? – ДарМинсарок протянул сидящему в кресле мужчине микрофон.

Тот, оглушенный высоковольтным электрическим разрядом, а затем «приглаженный» мощной водяной струей, еще не пришел в себя и бессмысленно смотрел на своего собеседника, явно его не понимая.

– Так что, война, как и дальше, или пора подумать о сотрудничестве с кроками?

Оглушенный мужчина уже чуть пришел в себя и сумел ухватить окончание фразы журналиста – «...пора подумать о сотрудничестве с кроками». Такой нюанс, как вопросительная интонация, где-то затерялся среди хаоса мозговых электрических импульсов, похожих на разозленных пчел с разворошенного улья. И отрывок последней фразы превратился в дымящийся сучок, всунутый в этот разоренный «улей».

– И ты, ублюдок, с ними заодно! – Ярость впрыснула адреналиновую инъекцию в кровь, заставив обессиленного потасовкой мужчину вскочить и сделать резкий хук правой.

Не ожидавший такого поворота событий, ДарМинсарок рухнул рядом с панелью, присоединяясь к бесчувственным телам противником интеграции с кроками.

«Замечательно! Это наверняка еще пару минут удержит зрителей на канале! Нет, мне сегодня точно положена премия». – Кармир даже потянулся, чтобы еще раз потерять руки от удовольствия, но саднящая боль в левой скуле заставила его лишь застонать.

А его телевизионный оператор все держал и держал «картинку» – разбросанные по всей площадке кафе кресла, поваленные столики, валяющиеся среди них люди, а в центре три фроловских звездолета меланхолично преследуют два кроковских.

Хороший крок – это мертвый крок.

– Хороший крок – это мертвый крок, – тихо проговорил Главный командор, задумчиво глядя на экран телевизора. – Но кто-то пытается в этом усомниться. Вернее, заставить усомниться в этом людей.

– Кто-то, – сидящая рядом с отцом дочь презрительно фыркнула. – Не кто-то, а Главный судья. Думаешь, если на заседании Верховного совета он проголосовал за твое предложение, то все нормально? Как бы не так! СакВок – хитрая лиса. Он хочет вызвать напряженность в обществе, заставить людей усомниться в нашей политике войны с кроками. И лишь потом он исподтишка начнет реализовывать

свой план.

– Ну, так ему придется долго убеждать людей. Видела, как этих восьмерых в комбинезонах народ отделал? – ДарВул рассмеялся.

– Да, восьмерых отделали. А сотни, тысячи людей, посмотрев этот репортаж, задумаются. Может, в том, что так яростно защищала эта восьмерка, что-то есть? Может, действительно, лучше сотрудничать, чем воевать.

– Не подумают! – яростно вскричал Главный командор. – Все знают, что они правосторонники, которые ненавидят нас, левосторонников. И полюбить они нас никогда не смогут. Их правая спираль ДНК этому мешает! Поэтому ни о каком сотрудничестве речи быть не может. Кроки нас просто обманут и уничтожат. И это понятно всем фролам!

– Ты же сам видишь, что не всем. Главному судье и еще кое-кому это не понятно.

– СакВок просто рвется к власти!

– А зачем ему будет власть, если кроки нас уничтожат? – возразила Эльдира. – Нет, папа, СакВок искренне уверен, что с кроками можно договориться. А теперь представь: пару недель такой агитации, – девушка кивнула на телевизор, – потом поданная в самых черных тонах информация о новом кроковском оружии и что? Да тебя, Главного командора, сметет толпа, бегущая мириться с кроками! Сметет и не заметит!

– На Совете достойных решено эту информацию пока не

разглашать!

– Ну-ну! – девушка саркастически усмехнулась. – Даю голову на отсечение, что уже с полсотни человек этой информацией владеет.

– Больше, – задумчиво произнес Андрей. – Уверен, завтра об этом оружии кроков уже будет гудеть столица. И такие акции, как эта, – кивнул он на телевизор, – завтра же будут сопровождаться упоминанием о страшном оружии. Чтобы доходчивей до людей доходил тезис о необходимости сотрудничества с кроками.

– Великий Мортон! Что же делать? – прошептала Эльдира.

– Драться! – Главный командор повторил слова землянина. – Драться до победы или... – Мужчина осекся, а затем решительно закончил: – Или пусть Великий Мортон решит нашу участь!

В комнате повисла тишина, прерываемая лишь бормотанием телевизора:

«...сегодняшнее происшествие в парке имени Павших десантников наглядно показало, что старательно загоняемая властями куда-то вглубь проблема отношений с кроками не только давно созрела, а и перезрела. И может быть, своим, безусловно противоправным поступком эти люди подтолкнули наши власти к конструктивному решению данной проблемы. А то может оказаться и так, что время для этого будет безвозвратно упущено».

– Что я говорил? – тихо произнес Андрей. – Наверняка уже завтра будет вброшена информация об оружии.

– Ладно, посмотрим, кто кого. Я не верю, что фролов можно чем-то запугать. Война с кроками, как хороший кузнечный молот, сбила с нас всю окалину, всю шелуху. Да, за сто лет войны нас стало меньше. Но остались лучшие.

«Война забирает лучших, – мелькнула в голове Андрея мысль, выстраданная многими поколениями землян. – Погибают в большинстве своем самые смелые и храбрые. Остаются хитрые и трусы, которые потом ставят памятники храбрым, а себя называют просто случайно выжившими».

– Андрей, – донесся до него голос тестя, – мне сейчас нужны люди, которым я полностью доверяю. Один из них – ты. И чтобы я мог тебя использовать наиболее эффективно, ты должен вступить в нашу армию. Надеюсь, ты не против?

Кедрову сразу захотелось крикнуть «да». Сбывалось то, о чем он говорил матери, – участие в захватывающих и опасных рейдах, причем район их действий не ограничивался максимум какими-то там шестью с половиной тысячами километров – радиусом земного шарика, а простирался практически на всю Вселенную. И передвигаться он будет не на «Бахче»[«Бахча» – боевая машина десанта (*военный жаргон*).], а на гиперпространственном звездолете. И в руках у него будет не «Абакан»[«Абакан» – автомат специальных подразделений российской армии.], а... да что там говорить. Ему предлагали сейчас заняться тем, на что «за-

точил» его Всевышний, к чему наиболее лежала его душа, чему он, в конце концов, учился – эффективно уничтожать врага. Можно погибнуть? А кто сказал, что путь к большим звездам на погонах не лежит через риск? Честный путь.

«Из российской армии я выбыл по причине смерти. Спасибо моим отцам-командирам. Поэтому совесть моя по отношению к трехцветному флагу чиста. Что ж, если я не стал генералом на Земле, то может, стану командором на Матее?»

– Я согласен.

Глава 4

Клинок лазерного луча поразил кроковский крейсер прямо в «сердце» – пятисоттысячегигаваттный сгусток световой энергии ударил по отсеку, где находился ядерный реактор. Прикрывавший его защитный кормовой экран был уничтожен пятью минутами раньше. И вот теперь очередь дошла до реактора. Он сопротивлялся долго – даже по человеческим меркам и восприятию. Несколько секунд понадобилось на то, чтобы нарушить систему охлаждения реактора и циркулирующая в ней вода вырвалась из сковывающих ее труб трубопровода. Еще секунд десять быстро разогревающаяся активная зона реактора плавилась все вокруг себя, превращая неприступную сталь в вязкий пластилин. Наконец, вся конструкция под своим весом сложилась и рухнула внутрь реактора. Тонны воды упали в раскаленное чрево. Но еще долгую одну секунду обжигающий, радиоактивный пар разрывал, раздирал энергетический отсек крейсера. В конце концов, не выдержал и он. Это уже была агония звездолета – по его могучему корпусу пробежала сильная дрожь, зазмеились трещины и случилось самое страшное – разрушилась защитная переборка отсека, являющаяся днищем следующего, топливного, отсека. Затем наступила смерть... Тонны и тонны жидкого водорода полились на раскаленные останки реактора, чтобы, мгновенно превратившись в газ, мощной

ударной волной развалить весь корабль. «Контрольным выстрелом в голову» для крейсера стало соединение водорода с кислородом из разрушенных резервуаров, необходимых для дыхания экипажа. Яркий красно-голубой шар взрыва запульсировал в холодном космосе.

По неписаной, но неукоснительно соблюдаемой в военно-космических силах челов традиции любое проявление эмоций в случае успешной атаки на врага, до того как свое слово не скажет командир, считалось бестактным. Но командир крейсера «Авангард» полковник Рахад Виргул не стал томить своих подчиненных:

– Что ж, господа, поздравляю, еще одним кроковским крейсером стало меньше, – ровным, спокойным голосом произнес он и довольно откинулся на спинку кресла.

И едва сдерживаемая радость наконец разлилась по рубке управления. Люди хлопали в ладоши, поздравляли друг друга.

– Да здравствует крейсер «Авангард»!

– Да здравствует его командир полковник Виргул!

– Ладно, ладно, господа. Довольно. После вахты приглашаю всех в кают-компанию на праздничный ужин. Заррад, сообщение в Центр. Уничтожен кроковский крейсер второго класса. Продолжаю патрулирование заданного района. Подпись моя, – командир «Авангарда» вскочил с кресла, еще раз скользнул глазами по показаниям приборов, по экранам внешнего обзора и вышел из рубки.

Рахад Виргул мог быть доволен собой. Это была его пятая победа как командира «Авангарда» и восьмая, с тех пор как он закончил Высшую Академию космических войск.

«Пора командованию цеплять мне на грудь генеральский значок. Восемь звездолетов! Из них пять крейсеров!» – полковник тихо рассмеялся.

Все складывалось как нельзя лучше. За семь лет – от лейтенанта до полковника! Никто из его сверстников так по ступенькам карьерной лестницы пробежать не смог. Максимум – майоры. И это притом, что ему никто не помогал. Да и кто ему мог помочь? Звездолет с родителями исчез в еще более бескрайних, чем сама Вселенная, просторах гиперпространства, когда ему не исполнилось и трех лет. Нет, они не были военными и погибли не в бою. Тогда было бы легче. Сын погибших героев имел бы какие-то преимущества перед детьми обыкновенных родителей.

Родители Рахада были обычными мирными челами и летели на Рождество Всесильного Исама позагорать на пляжах Вантеи. Пассажирский звездолет не вышел из гиперпространства в расчетной точке. Он вообще нигде не вышел. Наверное, что-то случилось с гиперпространственным движком. Какая уж тут героическая смерть.

Воспитывали Рахада бабушки и дедушки. Причем все хотели быть самыми незаменимыми, самыми любимыми для единственного внука. Поэтому мальчик был окружен прямо-таки тотальной любовью. У челов есть поговорка: слиш-

ком много поваров портят суп. Как при таком воспитании из Рахада получился хороший «суп» – загадка. Очевидно, хорошие ингредиенты были вложены в него при рождении, «вытащили» безобразнуюстряпню.

Рахад Виргул вырос не высоким, но крепким, здоровым юношей. Красивым юношей. Волнистые, черные волосы, спадающие на высокий лоб, большие, карие глаза под изящно прочерченными густыми бровями, тонкий аристократический нос над полными, чувственными губами. И на волевом, действительно мужском подбородке небольшая ямочка. Многие девушки вздыхали по той ямочке и мечтали попробовать на вкус эти чувственные губы. И Рахад не отказывал им в этом удовольствии. Он не был жадным мальчиком. После школы он с ходу поступил в Высшую Академию космических войск. Ну а куда должен был стремиться крепкий, умный парень, пытающийся сбежать от окружающей его тотальной любви сонма бабушек и дедушек? Только в военное заведение с его казармой и скупыми увольнительными. Впрочем, девушек он находил и при таком жестком распорядке. Вернее, они его находили.

Из-за одной такой девушки он чуть даже не вылетел из Академии. На последнем курсе одна из красавиц умудрилась слишком «утонуть» в его ямочке на подбородке – забеременела. Обычная история. И все бы ничего – подумаешь, залетела. Он, как настоящий мужчина, будущий офицер, все бы организовал – нашел бы врача, оплатил бы операцию. А в ка-

честве моральной компенсации еще заплатил бы за восстановление девственной плевы. Лети девочка-недотрога, ищи себе другого курсантика. Может, он станет генералом. Но залетевшая девочка лететь никуда не собиралась. А собиралась рожать. Уговоры и увещания не помогли. Рахад был в отчаянии. Становиться в двадцать один год папой – это категорически не входило в его планы. Тогда, по закону, он обязан был выделять на воспитание ребенка минимум пятьсот гивов. А это же половина лейтенантской зарплаты! Которая, кстати, будет только через год. А до этого государство будет давать Рахаду в долг эти деньги, которые, естественно, надо потом отдать. Из все той же лейтенантской зарплаты. Похоже, пару лет он будет обречен питаться только офицерским пайком. Какие уж тут девушки. Правда, столь фатальные для него расходы можно уменьшить. Для этого надо жениться на Сартизе, заметно округлившийся животик которой и вечно заплаканные глаза вызывали у него сейчас только глухое раздражение. А ее черная родинка над верхней губой, которую он раньше любил целовать, сейчас, при мыслях об этом, доводила чуть ли не до рвотных спазмов. Никогда! Никогда он не женится на этой женщине.

Тот тихий летний вечер Рахад запомнил, наверное, навсегда.

– Сарти, поехали покупаемся? Я тут знаю одно уютное местечко. Сейчас там точно никого не будет. Только ты и я, и тихое бормотание волн, да красный шар Вебы, садящийся

прямо в воду.

Глаза девушки радостно заблестели. С тех пор как она сказала ему о своей беременности, это были первые теплые слова, услышанные от него.

В том месте, куда Рахад привез Сартизу, действительно никого не было. О цивилизации напоминали лишь гул скоростного хайвэя где-то у них за спиной и отдаленные светящиеся точки флайеров, вьющиеся над еще более отдаленным мегаполисом.

– Ну что, пошли купаться? Вода – лучше, чем в лучших фитнес-клубах.

Девушка радостно кивнула и поспешно сбросила с себя легкое платье. Мужской взгляд невольно скользнул по животу. Увидев это, девушка как-то инстинктивно попыталась закрыть его руками. Получилось довольно нелепо. Рахад улыбнулся. Сартиза, очевидно, истолковала эту улыбку как знак ободрения. Она в свою очередь, улыбнулась кокетливо и игриво. Насколько это было возможно при ее животе, вбежала в море. При такой резко увеличившейся части тела, мерно заколыхавшейся при беге, получилось не игриво, а смешно.

«О, Всесильный Исам, – парень чуть сбоку смотрел на бегущую девушку, – но почему ты сделал так, что часто беременность происходит против нашей воли? И что потом делать со всем этим?» – он нагнал ее в три прыжка и обхватил за талию. Вернее, за то место, где должна быть талия.

– А трусики? – Он уверенно потянул небольшой лоскуток материи, примостившийся на женских бедрах, вниз.

– Ой, не надо, – смущенно пробормотала она, – вдруг кто увидит? – А сама уже каким-то торопливым, судорожным движением обхватывала его за шею.

Он овладел ее прямо здесь, на границе воды и суши. Женский живот мешал, очень мешал. Рахад первый раз занимался сексом с беременной женщиной, можно сказать, изрядно беременной. По привычке он опрокинул девушку на спину и тут же услышал свистящий шепот:

– Только осторожней... живот.

Ну и что оставалось делать? Кое-как примостившись перед Сарти на коленях, Рахад натужно подтянул девушку к себе и все же овладел ею. От воды женское тело стало скользким, и попка то и дело соскальзывала с его колен, со всеми вытекающими отсюда последствиями – возбужденная, разгоряченная плоть, неожиданно выдернутая из своей уютной временной «квартирки», тут же окатывалась водой. Натужные неуклюжие движения по восстановлению статус-кво, и через минуту все повторяется – морская волна бьет о мужской бушприт [Бушприт – наклонный круглый деревянный брус, выступающий впереди носа корабля, один его конец закреплен на корабле.]. Это только сталь, чтобы она была тверже, закаливают – разогревают до вишневого цвета, а затем резко опускают в воду. Для мужской крайней плоти такая металлургическая процедура имеет совершенно обратное дей-

ствии...

После нескольких минут такой борьбы – сексом такое назвать было сложно – раздраженный Рахад, едва сдерживая себя, прошептал:

– Давай выйдем на берег.

Он быстро поднялся на ноги, помог подняться своей спутнице и подтолкнул ее от воды. Девушка успела сделать всего два шага, как мужчина властно потянул ее вниз. На этот раз он не стал Сартизу опрокидывать на спину, а просто мягко, но сильно толкнул ее, стоящую уже на коленях, в спину. Девушка сразу все поняла. Она быстро оперлась на локти и прогнула спину.

В своем первом толчке Рахад выплеснул все раздражение, накопившееся в нем после «закаливающих» процедур несколькими минутами раньше, от вида бегущей к морю девушки с колыхающимся животом, а еще больше от осознания того, что эта девушка *его*.

– Ой, осторожно, я же чуть не упала на живот.

И вот это «ой» его взбесило. Внутри будто что-то лопнуло, и все, что накопилось в нем за эти несколько месяцев, после того, как он узнал о беременности своей подружки, выплеснулось наружу. И он еще сильнее навалился на девушку. И уже больше не обращал внимания на ее крики и стоны. Сартиза пыталась опрокинуться на бок, но он, навалившись всем телом на ее спину, не давал ей сделать этого. И все время продолжал грубо, сильно входить в девушку. Отчаян-

но крича, девушка все ниже и ниже прогибалась и, наконец, упала животом на песок. А он все продолжал неистовствовать. Это уже было просто насилие...

Рахад пришел в себя, когда почувствовал под собой какую-то влажность, неприятную влажность. Настолько неприятную, что это сразу остудило его страсть, точнее ярость-страсть.

Влага оказалась кровью. Сартиза чуть слышно со стоном что-то бормотала, не двигаясь. Испугавшись, Рахад перевернул ее на спину. Глаза девушки были закрыты. И тут он услышал:

– Ребенок, ребенок...

Низ девушки был обильно залит кровью.

«Всесильный Исам, что делать? – мысли вихрем пронеслись в голове парня. – Оставить здесь? Убить. Нет, сразу поймают, кто».

Он легко подхватил девушку на руки и отнес к машине. Через двадцать минут, выключив автопилот и блокиратор скорости, будущий офицер военно-космических сил уже был около одной из клиник.

У Сартизы произошел выкидыш. Ребенка спасти не удалось. А через три дня его вызвали в городское управление полиции и зачитали заявление его подружки, в котором она обвиняла Рахада в преднамеренных действиях, которые привели к выкидышу и смерти ребенка. Четыре месяца он защищался, как мог. Приглашал своих друзей в качестве свидете-

лей, чтобы те подтвердили, как нежно он относился к Сартизе. Показывал в своем коммуникаторе сообщения, которые он отсылал девушке. Демонстрировал многочисленные фотографии, где он обнимал, держал на руках, коленях и шее свою последнюю подружку. И сумел-таки убедить следствие, что трагедия, случившаяся на пляже, была случайностью. Что всему виной страсть. Обычная человеческая страсть, которая часто возникает между молодыми людьми. Экспертиза личных вещей девушки показала, что они не имеют повреждений и были сняты добровольно.

Родители девушки что-то там еще пытались сделать: писали жалобы, заявления. Но через полгода Рахад закончил Академию и с огромным удовольствием улетел к своему первому месту службы – на военную базу «Домаргам», что находилась в шестом секторе государства, за сорок тысяч световых лет от девушки с крупной черной родинкой над верхней губой и темными кругами вокруг печальных глаз. А еще через месяц, во время разведывательного рейда на территорию кроков, он, командуя легким корветом, уничтожил свой первый вражеский корабль – эсминец. Бой был трудным. От корвета мало что осталось, от его экипажа еще меньше. Вся страна чувствовала героев. И в этом всеобщем хоре восторженных криков мгновенно затерялись тихий плач девушки и возмущенный ропот ее родителей.

А судьба, закрыв глаза на проделки своего любимчика, все быстрее и быстрее несла Рахада на вершину славы. Еще один

вражеский звездолет, потом еще один, назначение командиром новейшего крейсера и победная дробь из четырех побед. Нет, из пяти. Сегодняшней. Вон, обломки кроковского крейсера еще не успели остыть до почти абсолютного нуля и тела врагов еще не приобрели твердость стали.

На руке полковника Виргула коротко пискнул коммуникатор – срочный вызов в рубку управления.

«Что там еще?» – зашедший было в свою каюту командир «Авангарда» мгновенно выскочил из нее и бросился по короткому коридору обратно в рубку.

Срочный, значит, срочный. Полковник Рахад Виргул давно уже понял, что иногда победу от поражения, а значит, жизнь от смерти отделяет всего одна секунда – командир звездолета, которому на этот раз суждено вернуться на базу, на секунду раньше принял правильное решение, чем его проигравший коллега-враг.

– Что? – командир «Авангарда» мгновенно «схватил» взглядом панель управления – ничего страшного. Датчики целостности пространства молчат, на экранах внешнего обзора ни одной красной точки – все видимые объекты классифицированы и не представляют опасности.

– Господин полковник. Срочное гиперсообщение из Центра.

Он уже и сам видел горящую зеленую лампочку в правом углу панели управления – аппаратура дальней космической связи приняла сообщение.

Привычным движением он бросил свое тело в командирское кресло. Большой палец утопил кнопку на коммуникаторе, тот вновь коротко пискнул – прибор сгенерировал радиоволну-пароль для запуска программы-дешифратора. Тут же в ответ откликнулся монитор, стоящий напротив командирского кресла.

«Командиру крейсера „Авангард“ полковнику Рахад Виргулу. К вам выслан крейсер „Маршал Гаргул“. Время его прибытия – двадцать три часа по среднегалактическому. По прибытию „Маршала Гаргула“ сдать ему свой район патрулирования и возвращаться на базу. Поздравляем с очередной победой. Центр»

«Надо же, в самый последний момент, но вспомнили, поздравили с победой, – командир „Авангарда“ иронично усмехнулся. – Вот только почему так срочно отзывают? Вряд ли, зная наш Главный Космический Штаб, чтобы спешно мне нацепить генеральский значок. Ладно, прилечу, узнаю. По крайней мере, меньше буду тут в этой дыре болтаться и концентраты жрать. Да и Вирсула... Хватит одному на койке валяться. Заодно и проверим девочку, как она там без меня».

– Штурман! Готовь маршрут на базу!

– Есть готовить маршрут на базу!

«Ну вот, ты и генерал. Доволен? – Рахад Виргул спускался по широкой лестнице Главного Космического Штаба. В отполированных до зеркального блеска каменных сиреневых

плитах на стенах здания отражался невысокий, атлетически сложенный мужчина, молодой генерал – на груди блестел сине-черный значок с силуэтами трех крейсеров – знак отличия генерала звена. – Все нормально, Рахад. Через пять лет ты уже будешь генералом эскадры. Впрочем, почему через пять? Если выполню это задание, то значок с пятью крейсерами будет у меня уже очень скоро», – новоиспеченный генерал вновь мысленно вернулся к полученному заданию.

Под его командованием организовывалась экспедиция в составе пяти крейсеров и четырех эсминцев к Матее. Гордые фролы запросили помощь. По их сведениям кроки разрабатывают новое оружие, сверхоружие, способное забросить в тартарары – в гиперпространство – целые планеты. Пока кроки сумели отправить туда небольшой астероид. Если, конечно, фролы ничего не перепутали. У них же там астероидов вокруг ненаглядной их Матеи... Лучше бы столько у них было красивых женщин! А то все какие-то худосочные да плоскозадые.

«Ничего, думаю, хоть какой-нибудь более-менее приемлемый вариант подвернется. За пять крейсеров на груди можно месяц-другой потерпеть. Главное выполнить задание – захватить крока, который хоть что-то внятное об этом оружии мог бы рассказать. А еще лучше – захватить образец этого оружия. Что значит „а еще лучше“? Захватить и точка». – Рахад Виргул ставил себе задачи только по максимуму – служить, так только до маршала, иметь жену, так только дочь

Президента.

Мужчина улыбнулся своим мыслям, поправил на груди генеральский значок и твердым шагом направился к входным дверям – через полчаса в очень даже приличном ресторане соберутся друзья и сослуживцы, чтобы отметить его очередной чин. Как следует отметить – не обмытый несколькими литрами крепкого джина значок не так блестит на груди. И чем меньше литров выпил за звание, тем дольше будешь ждать следующего. Проверено!

– Ты снова улетаешь, так мне ничего и не сказав, – высокая брюнетка, вздохнув, встала с постели, взяла с тумбочки сигарету и подошла к окну.

– Девочка, я тебе уже сто раз говорил, что я тебя люблю, – Рахад, сладко потянувшись, оперся спиной на спинку кровати.

– На женщинах, которых любят, женятся! – девушка зло сунула сигарету в рот. Послышался легкий щелчок, и сразу в комнате потянуло приятным ароматом.

«Женятся на нужных женщинах, с любимыми занимаются сексом... и с нелюбимыми, впрочем, тоже».

– Девочка, сколько тебе раз говорить, сделаю карьеру и сразу женюсь.

– А генерал в тридцать лет – это не карьера?

– Хорошо, прилечу с задания – женюсь!

«Все, пора менять девочку. Она стала доставлять больше

проблем, чем удовольствия».

– Честно?

– Честно.

Мужчина скользнул по женскому силуэту, четко выделяющемуся на фоне окна.

«Да и ноги у нее не такие уж длинные, а грудь так вообще – холмики, переходящие в равнину. И чего я на нее позарился?»

Рахад познакомился с Вирсулой полгода назад, когда прилетел с очередного патрулирования. Рейс был тяжелым. Они нарвались на разведывательный отряд кроковских звездолетов – два крейсера и два эсминца. Бой был скоротечным, но жестоким. Рахад сумел завалить один вражеский крейсер, но и его звездолету досталось – практически все защитные экраны были или уничтожены, или их ресурс был выработан более чем на девяносто процентов – это уже была не защита, а так, пустышка, чихнешь и разлетится. А оставшийся кроковский крейсер и два эсминца наседали. Полковник Виргул спас себя и оставшихся в живых людей своего экипажа тем, что решился нырнуть в гипер. Это было крайне опасно. Ударь по его раскрывшемуся гиперокну в этот момент лазерным лучом – и полковник рисковал сильно «похудеть». Но каким-то сверхъестественным чутьем, рассчитать это было невозможно, он почувствовал, что кроковские звездолеты должны ударить на несколько мгновений позже, чем необходимо для фатального исхода. И он только полу-

чит по «заднице». Так и случилось. Пятисотмегаваттный боевой лазерный луч хлестнул по рукотворной дыре в космосе, когда крейсер «Авангард» уже скользнул в подпространство. Получив столь мощный «зубодробительный» удар, окно в иной мир тут же схлопнулось, порождая мощную гиперпространственную волну. Сгусток виртуальных частиц, которые в своем привычном гиперпространственном мире были отнюдь не виртуальны, обрушился на звездолет, как мощный штормовой вал обрушивается на корабль. И тут Рахад все правильно предусмотрел, нырнув в гипер с минимальной энергией перехода. Это как велосипед. Если велосипед еле едет, его легко столкнуть даже небольшим толчком. Но попробуйте сбить мчащийся велосипед. Для этого необходимо значительно более сильный толчок, и такой велосипед пронесется еще несколько десятков метров, прежде чем свалится в дорожную пыль. Так и звездолет, несущийся в гиперпространстве. Удар волны и «медленный» крейсер полковника Рахада Виргула тут же вылетел на «поверхность» – в обычный трехмерный мир, за несколько световых часов от места схватки. Спасся!

«Сильно похудеть» на жаргоне пилотов обозначало то, что если лазерный луч бьет по гиперокну в тот момент, когда звездолет находится еще в так называемом тоннеле перехода – пограничной среде, между пространством и гиперпространством, то нарушившееся равновесие просто схлопнет этот тоннель, сплющив корабль до толщины одного атома.

Получить по заднице – это было несколько лучше. Звездолет уже успевал уйти из тоннеля перехода в гиперпространство, и его только догоняла образовавшаяся подпространственная ударная волна, сбивая с курса и вышвыривая из своего мира совсем не в расчетной точке. Точка выхода в этом случае, в принципе, могла находиться и в центре какой-нибудь звезды или планеты.

Естественно, тогда их сразу сняли с патрулирования и вернули на базу – латать дырки, как в корпусе корабля, так и в душе. И пока «Авангард» находился в ремонтном боксе, оставшиеся в живых члены экипажа просиживали в барах, время от времени совершая короткие «гиперпространственные» зигзаги от бара к борделю и обратно. Ведь бравым космическим волкам давно и точно известно, что зигзаг – это кратчайшее расстояние между ними.

Вот на одном из таких зигзагов Рахад и познакомился с Вирсулой. Может, от пережитых волнений, когда смерть смотрела на него линзами кроковских боевых лазеров, а может, действительно так и было, но даже искушенный в таких делах полковник был поражен постельным искусством девушки. Даже ему, тертому космическому волку, Вирсула сумела показать, что называется, небо в алмазах.

«Наверное, тогда меня просто сильно прижало, если бросился на такую, – мужчина равнодушно скользил взглядом по стройной фигуре девушки, – поджарая, как беговая лошадь. А зачем мне лошадь? Да и вообще, девка без сисек –

деньги на ветер».

– Честно, – еще раз повторил он.

– Милый! – девушка, отбросив сигарету, бросилась к Рахаду в постель. – Ты только быстрее возвращайся! А то я сильно по тебе скучаю.

В голосе Вирсулы мужчина отчетливо услышал игриво-жеманные нотки.

«Тьфу! Точно пора девочке сказать бай-бай, когда вернусь. Мол, когда я выполнял очередное опасное задание на благо нашей Родины, когда чуть ли не каждый день смотрел смерти в глаза, я понял, что пока мне рано думать о семейной жизни. Какое может быть семейное счастье, когда кроки буквально в тысяче световых лет от нас?»

– Не волнуйся, вернусь! – спокойно ответил Рахад и тут же почувствовал на своих губах вкус модных сладковатых, с кислинкой дамских сигарет.

«Тьфу!»

«А я еще думал, что мне придется тут за пять крейсеров на груди терпеть, общаясь с художадьми фролками. А тут есть такая... ух». – Генерал звена Рахад Виргул с удовольствием рассматривал Эльдиру, стоящую вместе с Андреем Кедровым в толпе гостей.

В Большом зале Главного здания Верховного совета достойных шел праздничный прием в честь прибытия группы военных звездолетов челов. Неизбежно нудноватая офи-

циальная часть приема закончилась, Глава Совета Варзарул СакТардол наконец закончил свою речь, и огромный зал заполнила тихая, неспешная музыка, позволяющая людям разговаривать между собой не напрягая ни голоса, ни слуха.

Шуршали шелка, мерцали бриллианты, и плыл тончайший аромат дивных духов в тяжелом густом дыму дорогих сигар...

«Как рычаг экстренного перехода в гипер, – чел наконец смог подобрать адекватное переполняющим его эмоциям при виде Эльдиры словесное сравнение. Массивный, точеный, приятно лежащийся в руку. Словом, классная вещь. И если взять его в руку и как следует дернуть, то тут же навалиться такие ощущения, что только успевай воспринимать. Адреналин килограммами впрыскивается в кровь!»

Рахад увидел, как к девушке подошел Главный командор, которого ему представили во время официальной части.

«Да это же его дочь, – тут же понял чел, – те же крупные черты лица, только по-женски смягченные, те же размеры. Это не женщина, крейсер!» – молодой генерал привычно устремился в атаку на этот великолепный «крейсер».

– Простите. Простите. Ох, извините, – толкая окружающих его людей, Рахад Виргул приближался к выбранной цели.

– А я и не знал, господин Главный командор, что у вас такая прекрасная дочь, – приблизившись, чел, как привык, с ходу сделал «залп».

– Но... – Матрул ДарВул не успел договорить.

– Об этом не трудно догадаться, стоит только увидеть вас вместе. Вы похожи, как две капли воды.

– Две большие капли воды, – вставила Эльдира.

Все рассмеялись.

– И эту большую каплю воды зовут Эльдира, – отец представил дочь Рахаду.

Все вновь рассмеялись.

– А это ее муж, Андрей Кедров, – Главный командор кивнул на землянина.

Рахад Виргул умел держать удар. Ничего, кроме любезной улыбки, на его лице не отразилось.

– Очень приятно.

Вышла заминка. Андрей, как привык на Земле и как это делали фролы, протянул правую руку для приветствия, а Рахад, в соответствии с человеческими обычаями, хлопнул землянина по левому плечу.

И вновь раздался смех.

– Ничего, надеюсь, мы легко притремся друг к другу и против нашего общего врага будем сражаться как одна команда.

– Несомненно, Главный командор. И кроки это скоро поймут, – генерал челов произнес эти слова с легкой улыбкой.

И эта улыбка Андрею не понравилась. То ли чел иронизировал по поводу слов ДарВула о единой команде, то ли иронизировал по поводу способности фролов самостоятель-

но дать отпор крокам.

Музыка заиграла громче.

– Разрешите, – чел протянул руку к Эльдире, – пусть у старого космического волка останутся приятные воспоминания, чтобы было, что вспомнить накануне схваток с врагом.

– Так уж и старый, – девушка кокетливо улыбнулась и протянула свою руку.

Вскоре Рахад и Эльдира кружились по огромному залу среди других танцующих пар.

«Ну точно, как рычаг перехода в гипер, – мужчина с удовольствием сжимал руками крепкое упругое тело фролки, – ух, как мне хочется его дернуть на себя. – Рахад невольно потянул Эльдиру к себе, но, увидев вопросительно-насмешливый взгляд голубых глаз – ну и как близко ты меня к себе притянешь на глазах у мужа и отца? – замер.

«С таким „крейсером“ мне еще не доводилось встречаться. Такой главный калибр кого хочешь с первого залпа завалит, – мужчина невольно скосил глаза на женскую грудь, которая была буквально на расстоянии растопыренной ладони. – Вот только муж... Никогда не думал, что такие фролы бывают. Под стать ей. Ну ничего, чем труднее победа, тем приятнее наслаждаться плодами победы». – И мужские глаза вновь опустились вниз.

Андрей Кедров смотрел на танцующих, и неожиданно на него нахлынули воспоминания из, казалось бы, уже бесконечно далекой юности. Убогий сельский клуб с растрескав-

шимся дощатым полом, на котором под неувядающие «Белые розы» танцевало с десятков пар. И среди них его Люська с облапившим ее высоким плотным парнем, недавно дембельнувшимся из пехоты. Тогда он дрался. Дрался не столько из-за Люськи, сколько из-за боязни потерять авторитет вожака среди сельских пацанов. Дрался без надежды победить, слишком не равны были силы. Что мог поделаться хоть и крепкий, но невысокий девятиклассник против высоченного, под два метра и за центнер двадцатилетнего парня, которого два года дрючили сержанты на физподготовке и в маршбросках? Оказалось, что кое-что мог. Главное хладнокровие и жизненный принцип – драться до конца, используя все, в том числе и песок в глаза, которым он сыпанул уже торжествующему амбалу. Именно тогда за ним закрепилось лестное прозвище – Волк.

Сейчас Андрей стоял не на заплеванном, с облупившейся коричневой краской полу сельского клуба, а на натертом до блеска паркете из редчайшего голубого дерева в главном здании Верховного совета достойных. И сейчас это был не шестнадцатилетний юнец-школяр, видевший мир не дальше околицы родной деревни, а двадцатитрехлетний мужчина, за плечами которого был Рязанский институт воздушно-десантных войск, жесткая учебка Главного разведывательного управления Генерального штаба, рудники Гамеда. И на звезды он уже смотрел не как на красивые яркие точки, разбросанные по черному небу над деревней, а как на солн-

ца других миров, до которых можно долететь, скользнув за подкладку Вселенной. И он знал, что очень часто эти миры встречают тебя полновесными залпами лазерных пушек. И все равно ему вновь хотелось драться. Драться азартно, бескомпромиссно, по-мальчишечьи. Но теперь не из-за боязни потерять авторитет вожака. Какой к черту вожак в мире, на несколько веков опередившем в развитии его Землю. А из-за банального, универсального для всех разумных существ Вселенной чувства – ревности. Да и для неразумных тоже.

Но теперь его соперником был не обычный сельский пацан, потолком которого была продавленная сидуха заезженного «Колоса» или «Дона», а генерал, привыкший к удобному, специально подогнанному по нему командирскому креслу боевого звездолета. Представитель высокоразвитой цивилизации, прилетевший помогать фролам в их борьбе против жестокого и жестокого врага.

«Только попробуй начать подбивать клинья к моей жене. Хоть ты и генерал, а от моего свинга [Свинг – длинный и тяжелый удар кулаком в корпус.] правой ты точно сложишься».

– О чем ты так напряженно думаешь? – до него донесся голос Матрула ДарВула.

– Да так, воспоминания нахлынули.

– А вот и мы, – раскрасневшаяся и возбужденная танцем дочь Главного командора и ее напарник подходили к ним.

– Теперь старому космическому волку будет что вспом-

нить? – землянин сумел своему голосу придать веселые нотки.

– Несомненно! – тут же последовал короткий, как вспышка боевого лазерного луча, ответ.

Возникла неловкая пауза. Вновь загремевшая музыка спасла положение.

– Никогда не танцевал инопланетные танцы, – землянин обхватил свою жену за талию и решительно увлек ее в центр зала.

«Ох, зарабатываешь ты у меня, генерал. И все твои звездолеты не помогут», – Андрей Кедров сделал первое па на паркетном полу.

Рахад Виргул смотрел вслед удаляющейся паре и улыбался. Он вспоминал на мгновение блеснувшие глаза дочери Главного командора, когда он, натолкнувшись на ее насмешливо-вопросительный взгляд, перестал прижимать свою партнершу к себе во время танца.

«Эх, ты, старый космический волк», – вот что коротко блеснуло тогда в голубых женских глазах.

Глава 5

Мощные, напористые акустические волны одна за другой накатывались на дергающихся, извивающихся людей. Со стороны казалось, что это именно они, стегая людскую плоть тугими децибелами, заставляли ее конвульсивно вздрагивать и дергаться. И в такт этим дерганьям дергался и свет – десятки, сотни разноцветных лучей от прожекторов и лазеров словно заставляли пульсировать само пространство, превращая его в яркое, переливающееся всеми цветами радуги существо. Вечеринка в моднейшем ночном клубе «Ночные звезды» была в самом разгаре. Сотни молодых людей, оставив за стенами этого фешенебельного заведения свои заботы и проблемы, полностью растворились в зажигающих ритмах модной музыки.

– Весса, вы так нежно держите этот фужер, что мне захотелось стать им, – перед девушкой, словно материализовавшись из этих грохочущих звуков и вибрирующего света, возник высокий парень. Длинные, золотистые волосы крупными кольцами спадали на кукольное лицо – гладкая, ни малейшей морщинки или родинки кожа, большие, широко распахнутые глаза, маленькие, аккуратные, чувственные губки.

«А занятный экземплярчик, – девушка, не спеша сделав глоток шампанского, рассматривала возникшего перед ней молодого человека, – сладкий». – Еще глоток игристого на-

питка.

– Вы удивлены, откуда я вас знаю?

«А с такой игрушкой можно неплохо поразвлечься. По крайней мере, не надо будет контролировать себя как с Харком. А тут просто – бери и получай удовольствие. Как выпить этот бокал». – Еще глоток.

– Нет, не удивлена. Я так часто и долго торчу на телевизионном экране, что уже давно смирилась с тем, что мое лицо стало так же привычно, как физиономия какого-нибудь исторического деятеля на банкнотах. Слава Всемогущему Картану, что хоть руками не мацают.

– А я давно мечтал с вами познакомиться!

«Ну что, Весса, возьмешь себе эту игрушку? Надо же чем-то заполнять ночи, да и для здоровья полезно. – А'Весса Лам, чуть прищурившись, смотрела на кукольное лицо, по которому скользили разноцветные блики. – Нет, все же правильно сделала, что прилетела сюда».

Со дня ареста Харка прошло пятнадцать дней. Радость от блестяще выполненной операции притупилась. И в роскошном, ставшем почти ее, доме политика Весса заскучала.

«А почему, собственно, я должна здесь сидеть одна, словно в тюрьме? – Девушка сидела в гостиной и невидяще смотрела на телевизор, в котором бурлила виртуальная жизнь, густо сдобренная виртуальными страстями. – Я Харку кто, жена? Нет, любовница. Так чего строить тут из себя убитую горем? Многие осудят? Любимого мужчину не успели аре-

ствовать, а она уже вновь развлекается. А, плевать! Задание я выполнила, Харка „сделала“, пора и отдохнуть».

Весса вскочила с дивана и бросилась в гардеробную.

Через полчаса телеведущая, писательница и, главное, талантливейший агент государственной безопасности Блестящая с удовольствием разглядывала себя в зеркало. Черный с белыми чешуйками костюм плотно облегал стройное тело. Волосы, обработанные специальным лаком, роскошной черной гривой спадали на плечи, вспыхивая мельчайшими голубыми искорками. На груди сверкала бриллиантовая веточка ели, на которой навсегда застыла рубиновая стрекоза. Мягкие красные полусапожки великолепно подчеркивали изящную утонченность ног.

«Ха, да с таким видом и с такой головой я Президента могу „сделать“! А вообще-то это мысль!» – Весса громко расхохоталась.

Насвистывая под нос какой-то веселенький мотивчик, девушка спустилась в гараж. Роскошный, огромный «Ланд» смотрел на новую хозяйку своими четырьмя большими овальными фарами.

«Нет, дорогой, отдыхай сегодня. Для моего настроения ты слишком приземлен. – Весса вновь громко расхохоталась своим мыслям и решительно шагнула к не менее роскошному флайеру. Сегодня, дружок, ты меня катаешь». – Холеная женская ручка распахнула дверь машины.

Через минуту девушка уже любовалась ночным городом с

высоты нескольких сотен метров. На экране бортового компьютера пульсировала точка, возле которой стояла надпись «Ночные звезды» – конечный пункт маршрута.

– Ну знакомься, раз мечтал, – Весса специально ответила грубовато. Прекрасно разбираясь в психологии, она хорошо знала, что таких вот кукольных мальчиков грубый тон только возбуждает.

– Торри... Торри Дрик, – кукольный мальчик неожиданно сделал быстрое движение и чмокнул Вессу прямо в губы.

«А мальчик приткий, – девушка с удовольствием ощутила прикосновение молодых губ, от которых чуть веяло каким-то пряным ароматом, – и это замечательно. Не надо будет тратить время, чтобы его расшевелить. Это не тот случай, когда смакуют, как хорошее вино многолетней выдержки. Тут надо залпом выпить, чтоб в голову хорошо ударило, и забыться на пару недель. Все. Потом умыться, привести себя в порядок и выбросить использованную тару в мусор».

– Мальчик, ты очень спешишь. Даже если тебе удастся уговорить меня выпить с тобой чашечку кофе у тебя дома, то все равно ты должен сначала заварить для меня этот кофе. И учти, бурду я не пью!

– О, я угощу тебя великолепным кофе. Гарантирую!

Весса с улыбкой смотрела на сверкающие, возбужденные глаза молодого человека.

«Все должно созреть. Даже нежный персик будет кислым, если его рано сорвать».

– Торри, может, для начала потанцуем?

– Пошли!

Кольшущееся людское море легко проглотило две свои частички...

Яркий, слепящий зигзаг молнии расколол ночное небо на двое.

«Вот так и этот мальчик расколол мою жизнь на две части. Первая часть – это та, в которой я его еще не знал, вторую я прожил с ним. Впрочем, почему прожил? Я живу с ним». – Мужская рука потянулась к панели управления и щелкнула тумблером.

Тотчас на мониторе высветилось: «Включен режим максимальной безопасности».

«Гроза не на шутку разыгралась. Еще влечет молния по флайеру – и все. Тогда точно о своей жизни можно говорить в прошедшем времени».

Небольшой флайер упорно проридрался сквозь грозное небо. В его кабине сидел один человек – уже немолодой, сухонький, невысокий мужчина. Сквозь редкие седые волосики отчетливо просвечивала на удивление по-детски розовая кожа. Да и лицо, несмотря на высокий морщинистый лоб и глубокие складки, двумя бороздами опустившиеся от носа к губам, казалось детским. Сейчас на этом детском лице читалось страдание – уголки губ были опущены вниз и в глазах стояли слезы.

«Живу или страдаю? – Невеселые мысли, вытесненные было действиями по обеспечению безопасности, вновь стали болезненно терзать мозг. – Нет, живу. Потому что без страданий нет жизни. Это как соль для супа. Без нее он казался бы пресным и невкусным. Вот что-то этой „соли“ стало очень много. – Сидящий в пилотском кресле человек тяжело вздохнул. – Нет, надо мальчика ставить на место. В конце концов, я дал ему все – великолепную квартиру, деньги, оградил от всех житейских забот. И он просто не имеет права так со мной поступать! Как только его увижу, поставлю вопрос ребром. Или относится ко мне, как к другу, и живет со мной, или пусть катится на все четыре стороны». – Сухонький мужчина еще более тяжело вздохнул. Даже сейчас, наедине с собой, раздраженный и озлобленный, он отлично понимал, что никакого вопроса ребром он не поставит. Не сможет. Потому что даже на миг он не может представить себе, что этот мальчик уйдет, покинет его. Что больше никогда он не сможет обнять это молодое, упругое тело, насладиться ощущением прикосновения к горячей гладкой коже, застонать в миг соития с ним. Нет! Без этого он уже не может жить. Да и зачем? Разгадать еще одну тайну устройства пространства? Изобрести еще один гиперпространственный двигатель или усовершенствовать нуль-континуум-генератор? Все это у него уже было, было и было. И грандиозные открытия, и изобретения, и бешеная дробь сердца, когда испытывали звездолеты с его двигателями, и

сладость мига вручения награды, когда в огромном зале, стоя, ему аплодировали сотни уважаемых людей. Все это было, и все это давно потеряло для него остроту.

Уникальные математические способности О'Валли Мулла, правда, тогда его называли просто Валли, проявились в детстве. Уже в три года мальчик поражал окружающих тем, что в уме, так как писать он еще не умел, легко решал математические задачи для школьников. Еще поезда из пункта А и пункта Б не успевали и тронуться, еще в бассейн не успевало пролиться и капли воды из труб А и Б, а мальчишечий мозг уже знал, где встретятся эти поезда и когда наполнится бассейн водой, даже если часть воды из него вытекала по трубе Д. В пять лет юный вундеркинд пошел в школу, сразу в третий класс, а уже через семь лет он закончил двенадцатый, выпускной класс. Тогда о нем все еще говорили – вундеркинд. Так говорить перестали, когда на третьем курсе Высшей физической школы он сумел доказать сложнейшую теорему, связанную с топографией гиперпространства. Благодаря разработанному им методу вычислений появилась возможность на порядок увеличить точность выхода из гиперпространства при дальних подпространственных прыжках. После этого его стали называть гением. После окончания школы ему предложили работать в сверхсекретном институте проблем гиперпространственных перемещений. На то время ему было восемнадцать лет. Через двадцать лет он изобрел свой знаменитый двигатель, названный в его

честь, – гиперпространственный двигатель Мулла. Благодаря этому двигателю, кроковские звездолеты получили возможность «прыгать» по гиперпространству на тысячи световых лет, а время перехода сократилось до нескольких минут. Кроковская цивилизация окончательно разгромила фролов, загнав их на единственную, пока недоступную для нее планету, и начала решительно теснить челов. Правда, у тех через пару лет тоже появился аналогичный двигатель. Равновесие было восстановлено.

В зените своей славы, когда список всевозможных наград и присвоенных званий не вмещался на стандартном правительственном бланке, академик О’Валли Мулл женился. В своем выборе гений не был оригинальным и поступил, как простой смертный мужчина. Его избранницей стала его же аспирантка, которая была моложе своего научного руководителя на двадцать два года.

И неожиданно чувственный мир обрушился на этот, до этого бесстрастный, человеческий суперкомпьютер. Его гениальные извилины буквально завибрировали от переполнявших их чувств и эмоций. Неукротимый в науке, с виду сухонький, сдержанный академик неожиданно оказался неукротимым в постели, доводя молодую жену до изнеможения. Один за другим, с разницей, обусловленной лишь физиологией женского организма, родились сын и дочь. Бывшая аспирантка, стреноженная непрерывными родами, была уже не так резва в любовных утехах. И академик заску-

чал. К довершению ко всему, оказалось, что мозг, за два года привыкший к основательной подпитке чувственными флюидами, заскучал и начал пробуксовывать. Идеи перестали быть блестящими, и суть различных математических и физических проблем схватывалась отнюдь не на лету. Заговорили об угасании математического гения. Встревоженное начальство, не желавшее допустить этого, ввиду гнева еще более высокого начальства, окружили академика сонмом психоаналитиков с категоричным приказом – найти причину «хвори» гения. В награду были обещаны различные блага, а в случае неудачи гарантированы равноценные житейские неурядицы, вроде отправки дежурным персоналом на отдаленнейшие космические базы.

Хорошо таким образом взнузданные психоаналитики за неделю докопались до дна души О'Валли Мулла, заодно вырыв и его «собаку» – отсутствие чувственных утех.

– Всего-то! – облегченно воскликнуло начальство. – Всемогущий Картан, да мы эту проблему решим вмиг!

Теперь вместо сонма психоаналитиков научное светило окружил сонм молоденьких девушек. Чтобы все это выглядело хоть немного благопристойно, всех их брали в институт аспирантками, закрыв глаза на раздутие штата. Оборонспособность страны превыше всего и плевать, чем она достигается, пусть даже и смазливymi женскими личиками и округлыми и упругими женскими попками. В сверхсекретном институте проблем гиперпространственных перемеще-

ний неожиданно появились длинноногие сотрудники, вернее – сотрудницы с не меньше чем третьим размером груди. Мужская составляющая института была весьма довольна таким развитием событий – хоть что-то да им перепадет с барского стола, точнее с постели академика. А мэнээсы еще раз утвердились в правильности жизненного выбора – идти в физики или математики.

Через год под руководством академика О’Валли Мулла была разработана принципиально новая схема перехода в гиперпространство, требующая в несколько раз меньше для этого энергии. А еще через два года неутомимый Мулл теоретически предсказал один эффект, открывающий дорогу к разработке нуль-континуум-генератора принципиально новой схемы, а от него до разработки гиперпространственной бомбы, способной одним махом уничтожить целую планету, было рукой подать.

Но тут судьба в очередной раз сыграла с академиком злую шутку. Все же, как ни крути, О’Валли Мулл был гением, и основным его органом была голова, а не то, что так усердно заставляло работать его начальство. И если бесконечная Вселенная еще могла подбрасывать для основного органа академика все новые и новые загадки, то женское тело в этом вопросе было весьма и весьма ограничено. И даже сонм этих тел, которым бы хватило укомплектовать целый отдел в институте, а точнее фешенебельный бордель в столице, представлял собой конечную и весьма небольшую, по сравнению

с Вселенной, величину. Словом, что-либо новое и загадочное для себя в женских телах сухонький и невысокий мужчина находить перестал. Выражаясь академическим языком, тема была исчерпана. И к ужасу начальства, маленькая, лысенькая «курочка» вновь перестала нести золотые яйца.

Кризис О'Валли Мулла длился долгих пять лет. Гениальный мозг отказывался работать на благо страны и требовал новых чувственных наслаждений. Проект «Молот» – создание гиперпространственной бомбы – затягивался на неопределенное время.

К этому времени академик уже давно расстался с женой, открывшей ему совершенно другой мир, и исследование этого мира для Мулла оказалось даже увлекательней, чем исследование гиперпространства. Жаль только, что этот мир оказался слишком малым для гениального математика и физика. К счастью для всех: для начальства О'Валли Мулла, для кроковского государства, а самое главное для самого ученого – это оказалось не так. Выяснилось, что женщина открыла ему не весь мир чувственных наслаждений и поэтому он этот мир выпил не до дна. Точнее, не до второго дна. Дойти до второго дна академику помог Торри...

Этого восемнадцатилетнего мальчика стареющий ученый впервые увидел в Высшей физической школе, где он изредка читал лекции студентам. Торри сидел на галерке и со скучающим видом смотрел в окно. Лучи утренней Пармы красиво освещали мягкие, правильные черты лица юноши и, словно

запутавшись в золотистых кудрях, создавали вокруг его головы светящийся ореол.

– Молодой человек, я смотрю, вам неинтересна моя лекция о взаимной инвариантности пространства и гиперпространства? – Прославленный ученый медленно подошел к скучающему студенту.

– Неинтересна. К сожалению, я мало в ней что понимаю.

На О'Валли Мулла смотрели большие красивые глаза, в которых плескалась бездна.

У академика на мгновение даже закружилась голова. Аудитория приглушенно хмыкнула, поражаясь дерзости Торри.

– Даже так? – Мулл тяжело оперся на стол. – Что ж, тогда... тогда потрудитесь молодой человек после этой лекции зайти в мой кабинет. – Пожилой мужчина наконец справился с охватившей его слабостью. – Продолжим лекцию. Итак, мы остановились на том, что в доступных пространственно-временных масштабах структурность материи проявляется в ее системной организации, существовании в виде множества иерархически взаимосвязанных систем, начиная от элементарных частиц и кончая Метагалактикой. Последнюю иногда отождествляют со всей Вселенной, но для этого нет никаких оснований, ибо... – Эти слова О'Валли Мулл произнес механически, задействуя лишь крохотный участок своего могучего мозга.

Все остальное было парализовано взглядом красивых

глаз, в которых клубилась бездна, и в эту бездну падал гениальный мозг.

«Эти глаза, как Вселенная, – бесконечны...»

– ...Вселенная в целом тождественна всему материальному миру и движущейся материи, которая может включать в себя бесконечное множество Метагалактик или других космических систем. И у нас нет никаких оснований переносить структурное устройство нашей Метагалактики на другие Метагалактики. – Лекция продолжалась.

...Он открыл дверь кабинета О'Валли Мулла все с таким же скучающим выражением лица.

Запинаясь, путаясь в словах, краснея и потея, научное светило предложило восемнадцатилетнему студенту дополнительные занятия. Тот что-то неопределенно промычал.

– Так вы... согласны?

Торри окинул академика взглядом, от которого у того вновь закружилась голова, и равнодушно произнес:

– Сколько это будет стоить?

Потеющий и краснеющий гений воскликнул:

– Что вы, что вы. Это совершенно бесплатно!

– Ладно, там посмотрим, – студент еще раз хмыкнул.

Так О'Валли Мулл познакомился со своей последней мучительной любовью – восемнадцатилетним О'Торри Дриком. Очень скоро академик понял, как он был, несмотря на свой богатый опыт, наивен и почему хмыкал этот мальчик, будто сошедший с небес. Занятия с Торри оказались от-

нюдь не бесплатны, за них пришлось платить. Платить Муллу, много платить.

Как он потом выяснил, юноша происходил из довольно известной и состоятельной семьи. Отец у него занимал пост президента крупного банка, а мать была врачом, владелицей крупной клиники пластической хирургии.

Торри был единственным ребенком и, как часто это бывает, ему это на пользу не пошло. Он был глубоко равнодушен к учебе, и любимым времяпровождением для него была тусовка с такими же друзьями, сначала в квартирах родителей, чуть позже, повзрослев, они встречались в клубах и на съемных квартирах. Там юный Торри приобщался к неперенным атрибутам золотой молодежи: легкие наркотики, дорогие девочки, просмотры фильмов для узкого показа и прочая, прочая, прочая. Среди этих «прочая» был и секс с одним из друзей. На съемной квартире, под хихиканье съемных девок Торри и его друг, наглотавшись галлюциногенов и запив их изрядными порциями шампанского, неожиданно воспылав страстью друг к другу, без всяких колебаний отдались ей, балдея от еще незнакомых ласк.

К концу школы О'Торри Дрик твердо усвоил два правила. Первое – радостное – в жизни полно удовольствий. Второе – печальное – жизнь только одна. Поэтому надо иметь поменьше тормозов, чтобы все успеть испытать и почувствовать. А лучше их вообще не иметь.

В Высшую школу физику Торри поступил из желания вы-

делиться. Вообще-то в своем кругу выделиться из тебе подобных было сложно. Шмотки, тачки и другие аксессуары золотой молодежи у всех были примерно одинаковы. Поэтому любое, что позволяло хоть чуть подскочить над своим кругом, ценилось. И парень живо себе представил, как в любом ночном клубе, среди бесконечных будущих менеджеров и юристов круто будет звучать – студент Высшей физической школы, будущий специалист по гиперпространству.

Их близость произошла на первом же занятии, в фешенебельной квартире студента, которую тот снимал. И инициатором ее явился хозяин квартиры. Естественно, О’Валли Мулл знал, что такое гомосексуализм, теоретически знал. Но предложить вступить в связь со студентом краснеющий и потеющий академик не решился. Он говорил прерывистым голосом, и излагаемый им вопрос по физике гиперпространства сейчас был непонятен даже ему, не говоря уже о Торри. Он вдыхал аромат дорогих духов, исходивший от юноши, несколько раз как бы ненароком касался потной рукой руки Торри. Его сердце, как в далекой молодости, взнужданное ударной дозой адреналина, несло вперед галопом, правда, уже усталым галопом.

И опять Торри уже знакомо хмыкнул, затем решительно повернулся к пожилому академику и стал снимать с него одежду. Затем его, почти находящегося в обморочном состоянии, мягко, но решительно повернул к себе спиной...

Через час, изнеможенный и задыхающийся математиче-

ский гений понял, как же много он еще не узнал в этой жизни.

Через неделю О'Торри Дрик перебрался на квартиру к своему новому любовнику. И тут разразился скандал. Родители Торри этот поступок сына не поняли и не приняли. Их восемнадцатилетний сын-красавец и этот плюгавенький старикан? Ну и что, что научное светило и гений? От этого его морщины не разгладятся и волосы не станут гуще. Богат? Они сами люди далеко не бедные и могут дать единственному сыну все. Их сын гомосексуалист? Да полноте! Обычные юношеские забавы. Перебесится и остепенится. Но пусть перебесится с таким же молодым человеком! И они задействовали весь свой немалый общественный вес, все свои многочисленные связи, чтобы вернуть сына.

Бедные родители О'Торри Дрика просто не представляли, насколько был могуществен научный директор института проблем гиперпространственных перемещений. Высшая кроковская руководящая элита уцепилась за О'Торри Дрика, как за последнюю надежду по воскрешению заснувшего гениального мозга. И что по сравнению с этим президент какого-то там банка и директор какой-то там клиники? Пыль, которую и учитывать не следует.

Отца Торри вызвал к себе сам бригадный генерал О'Локки Сарб, могущественный директор Службы государственной безопасности Содружества свободных планет. Спокойно, даже чуть снисходительно, он спросил:

– Господин Дрик, почему вы в этом году через свой банк отмыли на пятнадцать процентов меньше денег, чем в прошлом году? Это что, уменьшение прибыли наркоторговцев, или просто они нашли еще один банк для легализации своих доходов? – и, не давая президенту банка сказать хоть слово, закончил: – Идите и подумайте над этим вопросом. Через неделю мы вас вновь вызовем. Вы свободны.

Вернувшийся, как в тумане, домой, Дрик-старший узнал от жены, что у нее хотят отобрать лицензию на проведение любых пластических операций. Причина – несколько жалоб ее бывших пациентов на плохое качество операций. Медицинская экспертиза по этим жалобам назначена на следующую неделю.

Родители Торри были людьми неглупыми и современными – ради сына ломать свою карьеру, положение в обществе, а следовательно и жизнь, не стали.

А лысенькая, но чрезвычайно умная «курочка» вновь стала нести «золотые яички» – проект «Молот» наконец-то ожил, грозя расплющить и фролов, и челов.

Прямо перед флайером, в метрах ста, не больше, бесшумно возник ослепляющий столб небесного электрического разряда. Нет, не ослепляющий. Он был бы таким, если бы не бортовой компьютер. Электронные мозги отреагировали мгновенно – в сотые доли секунды включились световые и звуковые фильтры, надежно отсекая от человека ват-

ты и децибелы. Мгновенными и точными командами на органы управления флайером компьютер быстро стабилизировал полет. С виду хрупкую машину лишь чуть тряхнуло, и она продолжала упрямо вгрызаться в черноту ночи.

«Вот так и моя жизнь с мальчиком – сплошные ослепляющие и оглушающие молнии. Только нет бортового компьютера, который стабилизировал бы мою жизнь». – Сухонький мужчина в пилотском кресле опять тяжело вздохнул и посмотрел на монитор. До конца полета оставалось чуть больше десяти минут.

Угар первых недель телесной близости с Торри прошел, и пожилой мужчина отчетливо увидел то, что раньше жестко загонял в самые глубины мозга, – мальчик его не любит и беззастенчиво использует.

Огромная, роскошно обставленная квартира. Современнейший флайер с личным пилотом, не уступающие ему в оснащенности прогулочные яхты: морская и космическая. А самое главное, везде сопровождающие его молодые люди с серебристым браслетом, с выгравированным символом Содружества, на левой руке – государственная охрана. Такой же знак – семь колонн, увенчанных шаром, – был нанесен на флайерах, машинах, яхтах, словом, на всем том, на чем передвигались эти молодые люди, охраняя О’Торри Дрика.

Вот это действительно было круто. Это тебе не заявлять в ночных клубах, что ты будущий физик. Это тебе не слабенький подскок, это мощный прыжок, заставляющий твоих дру-

зей смотреть на тебя, высоко задрав головы и раскрыв рот.

Торри мог, не предупреждая, исчезнуть на несколько дней. И академик, кляня себя за бесхарактерность, узнавал у охраны, где находится его ветреный друг, и краснея, с болью, тщетно пытаясь скрыть просящие нотки в голосе, просил вернуть резвого жеребца в стойло.

Директор Службы государственной безопасности бригадный генерал О'Локки Сарб поначалу хотел «встряхнуть» новую пассию Мулла, «встряхнуть» так, чтобы навсегда отбить охоту у юнца к таким загулам. Но потом заметил, что эти периодические исчезновения Торри не сказываются на производительности гениальной головы академика. Более того, Мулл после них работал еще продуктивней, буквально сутками «зависая» в своем кабинете или в вычислительном центре, заставляя с десятков суперкомпьютеров выкладываться на всю свою мощь. Вся обида, злость, саднящее чувство неразделенной любви выплескивались в строчки формул и колонки цифр.

Поэтому бригадный генерал лишь распорядился тщательно охранять О'Торри Дрика, чтобы тот не влип в какую-нибудь некрасивую историю и не пострадал. Пара потасовок, вызванных приставанием будущего физика и настоящего любовника физика к девушкам, были решительно пресечены охраной. Видя свою безнаказанность, парень почувствовал себя если не Всемогущим Картаном, то его любимчиком точно.

И как ни старались люди Сарба, все же Торри влез в неприятную историю. Управляя своим флайером, он грубо нарушил правила полетов. Паркуя свой летательный аппарат на специальную площадку перед ночным клубом, он зацепил взлетающий чужой флайер. Посадочная скорость у Торри была высока, парень любил садиться заливчатски, наслаждаясь работой мощных, сделанных по спецзаказу амортизаторов. Поэтому чужой флайер отбросило метров на пять в сторону. Посадочная площадка, как обычно, была расположена на крыше дома, точнее пятидесятиэтажного небоскреба. Столкновение произошло в четырех метрах от края. Пять больше, чем четыре. Система безопасности не смогла стабилизировать машину. Флайер с двумя парнями и их девушками неуправляемой грудой металла и пластика рухнул со пятидесятиметровой высоты вниз. Выжила одна девушка...

Испуганного юнца тут же задержали. Узнав об этом, О'Валли Мулл посерел. Видя его в таком состоянии, не на шутку уже испугался бригадный генерал.

«Не хватало, чтобы из-за этого молодого кретина академика хватил удар. Тех молодых людей уже не вернешь. А нам нужен „Молот“».

– Свяжите меня с министром внутренних дел, – отдал распоряжение своему адъютанту директор Службы государственной безопасности.

Инцидент замяли. Выяснилось, что во взлетающем флайере не сработала автоматика, и тот залез в чужой коридор.

Поэтому Торри тут не виноват. Многочисленные свидетели аварии дружно это подтвердили. Родителям погибших была выплачена огромная компенсация.

«„Молот“ оправдывает все». – Бригадный генерал О’Локки Сарб даже не поморщился, читая отчет о том, во сколько обошлось спасение смазливового любовника великого физика и математика.

На время испуганный Торри притих. У О’Валли Мулла начался медовый месяц – он с головой погрузился в океан ласк, которыми окружил его молодой парень. Они вместе провожали садящуюся за горизонт Парму и вместе любовались через огромное панорамное стекло, как расцветивает утреннее небо своими розовыми лучами восходящее светило.

Все было прекрасно. Но... но проект «Молот» опять забуксовал.

– Зашвырните этого молодого жеребца на пару деньков куда-нибудь подальше от академика, – последовал безжалостный приказ директора Службы государственной безопасности.

«Могущество и безопасность страны выше личного счастья одного человека, пусть даже и гения». О’Локки Сарб задумчиво смотрел на экран монитора, на котором только что светилось лицо его заместителя по внутренним операциям.

В кабине флайера замигала лампочка на панели приборов

и зазвучал звуковой сигнал – бортовой компьютер предупредил о посадке.

«Я так и знал – ночной клуб», – горестно вздохнул О’Валли Мулл, сверху рассматривая полыхающие внизу всеми цветами радуги буквы: «Ночные звезды».

Мужчина еще раз взглянул на экран монитора: «Да, все правильно, это здесь».

Красная точка – сигнал от миниатюрного передатчика, встроенного в правый ботинок О’Торри Дрика, – располагалась точно в центре экрана.

Резервный передатчик, располагающийся в левом ботинке, «чувствуя», что его коллега исправно «стучит», молчал.

Бортовой компьютер посадил флайер физика безукоризненно. По бокам скользнули вниз два флайера охраны.

Кряхтя, О’Валли Мулл вылез из кабины.

«Эх, сколько раз давал себе обещание заняться спортом. Вроде и не толстый, а сердце ни к черту. Все, приволоку мальчика домой и займусь собой».

Через минуту академик на лифте стремительно проваливался вниз, словно падал в преисподнюю, навстречу грохочущей музыке, разноцветным ярким вспышкам света и колышущейся массе человеческих тел.

– А ты классно танцуешь! – Торри помог девушке сесть за стол и сам сел напротив.

– А ты классно прижимаешься. – Весса взяла высокий бо-

кал с зеленоватым вином и сделала небольшой глоток, кокетливо поглядывая на парня.

Молодой человек громко, широко раскрывая рот, расхохотался. Торри смеялся так, как смеются абсолютно уверенные в себе, не имеющие понятия, что такое комплексы, люди.

«А этот жеребчик мне все больше и больше нравится». – Журналистка, писательница, агент Управления государственной безопасности смотрела на хохочущего собеседника, наслаждалась отличным вином и предвкушением не уступающей ему в наслаждении ночи.

Двое охранников О'Торри Дрика стояли в нескольких метрах от столика, изображая разговор между собой.

О'Валли Мулл с помощью карманного навигатора нашел Торри быстро. Его мальчик сидел с какой-то девицей за столиком, в одной из уютных ниш, щедро рассыпанных по огромному помещению. Рядом с ними журчал искусственный водопад. В него были добавлены флуоресцирующие зеленым, синим, красным светом вещества, поэтому падающая вода приобрела фантастический вид. Тихо ворковала музыка.

Академик тяжело оперся на колонну, в пяти метрах от парочки. Успокоившееся было сердце вновь натужно забухало в груди, неприятно отдавая в уши. Мулл торопливо вытащил из кармана флакон с таблетками, подрагивающими руками вытащил одну и судорожно сглотнул.

«Значит, он тут наслаждается жизнью, под легкий шум воды и приятную музыку, а я... – Сердце болезненно сжалось. – ...А я стою тут и как мальчишка-недоросль подглядываю за взрослыми дядей и тетей».

– Я могу не только классно прижиматься, – Торри перегнулся через столик и взял Вессу за руку.

– Надеюсь.

Один из охранников, не сводя глаз с академика, движением челюсти включил спрятанный во рту миниатюрный телефон и тихо заговорил, едва шевеля губами.

– Первый, я третий. Объект нашел Малыша. С Малышом девушка. Объект плохо контролирует себя. Возможны с его стороны конфликтные действия.

Охранники Торри в свою очередь заметили Мулла. Профессионально осмотрев зал, они без труда обнаружили и его охрану.

– Третий, в случае конфликта к объекту не допускать никого из посторонних, – начальственный голос буквально загудел в голове охранника, – включая девушку. С Малышом обходиться максимально мягко. И вместе с объектом эвакуировать.

– Есть!

Начальник охраны академика О'Валли Мулл майор государственной безопасности О'Крисс Фрусс сидел в кресле за своим рабочим столом и покусывал губы. Назревал очередной конфликт с Торри Дриком. Но на этот раз в него мо-

жет оказаться замешан сам Объект – по профессиональной привычке майор госбезопасности даже мысленно не называл фамилии охраняемых им людей.

«И как все сложится? Черт! И зачем я разрешил объекту следовать за Малышом? А как тут не разрешишь? Ворвался ко мне, лицо белое, в глазах безумие. Того и гляди рухнет на пол и забьется в судорогах. И кому тогда отвечать? Ему. Майорским значком. – Фрусс так сильно укусил губу, что даже вскрикнул от боли. – Ничего, ребята опытные. Если что, мигом из этих „Ночных звезд“ объект выдернут и Малыша прихватят. Ничего, все будет нормально», – мысленно успокаивал себя офицер.

И скорее повинувшись профессиональной привычке проверять все, что касалось охраняемого объекта, чем что-то подзревая, отдал новое распоряжение:

– Восьмой, – обратился он к одному из охранников, прикрепленных к О’Торри Дрику, кто с Малышом?

– А’Весса Лам, – тут же последовал ответ.

– Весса Лам? Телеведущая?

– Да.

«Этого еще не хватало! Популярная телеведущая, подруга опального и еще более популярного политика Харка. И если она поднимет скандал? И если она это увяжет с фамилией Харка? Тут вон какой митинг недавно был в его поддержку на площади Содружества. А если из-за этого будет еще один митинг? И этот митинг, получится, что спровоцировал он!

Черт! Черт! Черт!»

Не теряя больше ни мгновения, майор государственной безопасности О'Крисс Фрусс нажал кнопку связи с бригадным генералом Сарбом. Естественно, он не знал, что А'Весса Лам была агентом государственной безопасности, работала под псевдонимом Блестящая и напрямую подчинялась человеку, которому он звонил. Знай майор это, отчаяние его было бы еще больше.

– Весса, может, оставим это уютное заведение...

– И переместимся в еще более уютное! – рассмеялась девушка.

– Да, телевизоры не передают и сотой доли твоего обаяния.

Торри вновь привстал и, перегнувшись еще сильнее через стол, поцеловал девушку в губы долгим поцелуем.

«Да, сегодня у папарацци богатый улов. Я представляю, что завтра напишут на электронных страницах газет. – Весса с удовольствием отдала свои губы на сладостное терзание. – ...И какими подписями снабдят фотографии, где мы целуемся».

– Господин директор, простите за столь поздний звонок, но создавшаяся ситуация...

– Что произошло? – Сарб прервал оправдания своего подчиненного твердым, совсем не сонным голосом.

Майор начал, пытаясь говорить коротко, обрисовывать ситуацию.

– Зачем вы разрешили академику лететь? – прервал его бригадный генерал.

«Черт! Черт! Черт!»

– Господин директор, он был не в себе, лицо белое, в глазах отчаяние. Я побоялся, что...

– Если с академиком что-нибудь случится, включая его возможную депрессию и нежелание работать, пойдете под трибунал.

– Я... я...

– Дальше.

– При объекте вооруженная охрана, которая гарантирует его безопасность при любом развитии ситуации.

– Так чего ты боишься?

– Рядом с Малышом находится А'Весса Лам, известная телеведущая и писательница. И я опасаясь, что...

– Не таракти, дай подумать, – грубо оборвал майора Сарб и задумался.

«Это что, случайное совпадение? Или Весса решила вести свою игру, через Малыша пытаясь выйти на академика? Глупости. Зачем это Вессе нужно? Да она и про академика наверняка не слышала. Или слышала? Блестящая – прекрасный агент. Чего стоит ее операция с Харком. Ну и что ей даст академик? Да нет, все это глупости», – директор Службы государственной безопасности уже хотел дать команду неради-

вому майору, чтобы его «шкафы» тихо забрали академика и Малыша из ночного клуба и доставили в закрытую зону при институте проблем гиперпространственных перемещений, хотел...

– Слушай меня, майор. Если академик начнет бузить и приставать к Малышу и Вессе, тихо, незаметно тащите его назад в закрытую зону.

– А Малыша?

– Пусть и дальше развлекается с девушкой.

– Будет выполнено, господин директор.

– Действуй... хотя стой. Сделай так, чтобы Малыш и его спутница академика вообще не видели. Не надо портить им вечер, – иронично усмехнулся Сарб.

– Понял, господин директор.

– Если понял, действуй.

– Есть!

«Надо еще сильнее встряхнуть академика. Из тепленькой, нагретой любовником постельки за рабочий стол. Да и Весса... может, что-то из этого и выйдет, надо подумать».

Пузырьки газа быстро поднимались в глубине зеленоватой жидкости, чтобы, выйдя на поверхность, тут же исчезнуть. Желание в глубине тела поднималось также быстро, вот только оно никуда не исчезало, а копилось и копилось, мощно рвясь наружу, и под этим напором все сильнее и сильнее раздвигались губы в поцелуях.

– Ну что, мальчик, ты, по-моему, хотел оставить это уютное помещение?

– Хотел!

– Так чего ты медлишь? – Глаза девушки, словно два входа в бесконечность, призывно смотрели на парня.

Не в силах совладать с собой, Торри бросился в эту бесконечность, а который раз жадно хватая своими губами губы Вессы.

– Пошли, – наконец выдохнул он и потянул девушку за собой.

«Нет, этого я не перенесу», – О’Валли Мулл с трудом оторвав свое тело от колонны, сделал на внезапно ставших непослушными ногах шаг в сторону ненавистного столика.

Он так и не понял, что случилось. Неожиданно сбоку что-то надвинулось, подхватило его, ярко светящиеся на потолке лампы рванули назад, и он услышал чей-то знакомый голос:

– Дорогу! Человеку плохо!

Очнулся он уже в кабине своего флайера, стремительно нанизывающего на свой нос черное небо.

Ученый медленно огляделся. Мальчика в кабине не было. Мулл со стоном закрыл глаза...

Весса со сладостным стоном открыла глаза. Утренние лучи Пармы пробивались сквозь не плотно задернутые шторы в спальню, придавая ей веселый, игривый вид. Такое же

веселое, игривое настроение было и у хозяйки спальни. Хотелось смеяться и петь. Этот случайно подцепленный ею в ночном клубе мальчик оказался прекрасным любовником. Такого удовольствия молодая женщина давно не получала. Нет, Харк тоже не был статистом в постели и часто заставлял Вессу стонать в сладостной муке. Но этот зрелый, состоявшийся мужчина брал опытом, аурой успешного, известного человека. А тут мощный, безудержный молодой напор, к тому же профессиональный напор.

«Да, видать, этот жеребенок успел поскакать по многим постелькам и научился, как правильно и разнообразно щипать травку на мягких пастбищах. Надо бы еще с недельку покувыркаться с ним. Хороший экземпляр».

– Почему вы отдали распоряжение своим охранникам не забирать Торри со мной?! – Крик академика сбился на фальцет.

Он стоял перед майором государственной безопасности О’Крисс Фруссом с белым, перекошенным от злобы лицом.

– Почему вы молчите? Отвечайте!

Офицер госбезопасности молчаливой глыбой продолжал стоять перед беснующимся сухоньким, маленьким человечком.

– Хорошо, я свяжусь с Сарбом! И тогда посмотрим, где вы после этого будете! – Мулл резко развернулся и выскочил из кабинета своего главного охранника.

«Ничего, сейчас ты у меня попляшешь!» – ученый рывком распахнул дверь личного кабинета и бросил свое тщедушное тельце в кресло.

Трясушимися от нетерпения руками он схватил со стола телефон.

«Ничего, ничего, я посмотрю, как ты будешь стоять перед Сарбом и что-то лепетать в свое оправдание. – Палец утопил кнопку прямой связи с директором Службы государственной безопасности. – А если все это и санкционировано Сарбом? Какой же я кретин! Это же элементарно. Ну разве какой-то там майор рискнул бы не выполнить инструкцию, если ему это не было бы приказано свыше?»

– Да, господин Мулл, я слушаю, – раздался спокойный голос из трубки.

– Господин Сарб... э, мне тут не совсем понятны действия майора э... Фрусса, – долго и путано гениальный физик и математик объяснял высокому государственному чиновнику свою проблему. Он говорил, и в нем медленно поднималось раздражение. Раздражение на себя за эту свою неуверенность, за то, что оказался в таком положении, за... он и сам не мог точно сформулировать все свое недовольство собой. И вместе с этим раздражением собой в нем росло раздражение на всех. На мальчика, который плевал на его чувства к нему. На майора, который почему-то не доставил мальчика к нему, как это всегда было раньше. На Сарба... который отдал такой приказ майору. Мулл в этом уже не со-

мневался. На весь мир, который доставлял и доставляет ему столько страданий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.